

ЗАКОН СЕМЬИ

18+

АННЕ ШТЕРН

Тайны старого города

Анне Штерн
Закон семьи

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Штерн А.

Закон семьи / А. Штерн — «Издательство АСТ», 2020 — (Тайны старого города)

ISBN 978-5-17-151085-5

Берлин 1923 года. Берлинскую акушерку Хульду Гольд вызывают на роды, не подозревая, что вскоре ее исследовательские способности снова будут востребованы. Когда через несколько дней новорожденный исчезает, Хульда оказывается вовлеченной в его поиски. Чем упорнее Хульда идет по следам, тем сильнее сопротивление семьи: оказывается, у семьи есть свои секреты, которые бережно хранят от посторонних. В расследовании к Хульде снова присоединяется комиссар уголовного розыска Карл Норт, но их отношения испытывают серьезные трудности. Удастся ли им довести расследование до конца? Хульда не может разобраться в своих чувствах к мужчинам, к которым она не только равнодушна, но и испытывает сильное притяжение. Останется ли она с комиссаром Карлом Нортом или сделает иной выбор? И с кем из мужчин она видит свое будущее?

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-151085-5

© Штерн А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
1	8
2	14
3	18
4	26
5	32
6	39
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анне Штерн

Закон семьи

Anne Stern

Fräulein Gold: Scheunenkinder, Vol. 2

© 2020 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© 2021, Зибер Таня

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Оформление обложки Александра Воробьева

* * *

Я обожаю Берлин до дрожи в коленках. Я не знаю, чем он порадует меня завтра. Сегодня это не имеет значения – я сижу в кафе «Йости» на Потсдамской площади, вокруг меня простор и мраморные колонны. (...) Я всегда прогуливалась по Лейпцигской и Потсдамской площадям. Из кинотеатров раздавалась музыка (...), и все вокруг пело.

Ирмгард Койн, «Девушка из искусственного шелка» (*Das kunstseidene Mädchen*), 1932

Пролог

Четверг, 13 февраля 1902 г.

Рут во весь дух неслась по темным переулкам. Снег заглушал топот ее сапог. Услышав протяжный, похожий на волчий, вой собаки, раздававшийся эхом над низкими крышами штетла¹, она остановилась и испуганно осмотрелась. Сердце бешено колотилось. Переведя дыхание, Рут побежала дальше. Старалась ступать легко, едва касаясь земли подошвами сапог. Было трудно быстро бежать, почти лететь, и при этом не поскользнуться.

Во всех окнах давно погас свет, жители еврейского квартала в галицийском городке спали. Тут и там ветер хлопал ставнями. Коровы мычали во сне в своих коровниках позади приземистых хижин.

Лишь бы никто не вышел, чтобы справить свою нужду за углом!

Рут продолжала бежать. Свернула из Сапожного переулка в Пекарский, где жила ее семья. Ей был знаком здесь каждый камень, каждый водосточный желоб, каждая черепица. Но в свете луны штетл казался чужим и словно заколдованным. Что за волшебник заколдовал его, злой или добрый? Кто его знает. Однако Рут знала наверняка, что ее поступок делал из нее прокаженную, неприкасаемую, отвергнутую собственными родителями и женихом. Узнав, что она сотворила, Рут проклянут быстрее, чем она успеет прочитать *Шма Исраэль*². Но отчего же каждая клеточка ее тела излучала счастье? Затягивая потуже платок на своих густых локонах, Рут представила *его* – его руки, улыбку, запах кожи и клея, – и ее охватил озноб. Из-за родинки над губой юного сапожника прозвали *Червовым Валетом*. Прозвище шло ему, считала Рут. Он был чудесный, красивый и добрый, как ангел. Но не еврей. Запрет они нарушили уже в третий раз, в темном углу его мастерской, посреди ночи, и лишь снег, падающий за окнами, был тому свидетелем. Неверный поступок. Рут была сосватана Абрахаму Ротману и должна через считанные недели, еще до Песаха³, стоять с ним под хупой⁴. Ее отец пригласил всю родню и знакомых: когда выдаешь замуж единственную дочь, мелочиться нельзя, как бы плохо ни шли дела. Жених – сильный и работающий подмастерье с коммерческой жилкой, который сможет занять место отца Рут в пекарне, когда тот состарится. Пекарня в этот день наполнится ароматами сдобных «косичек», маковой выпечки и *кугеля*. Мать всплакнет. Рут же, стиснув зубы, будет радостно улыбаться, как и подобает невестам. Но пока есть время, она не в силах противиться худому, размышляла она, приближаясь к родительскому дому. Худое кажется правильным.

Днем, когда она сидела с матерью и маленькими братьями в тесной избе или подметала двор, ночи представлялись ей чем-то ненастоящим. Как будто не она, Рут, бегала к чужому мужчине в сапожную мастерскую, а другая, падшая женщина, заплетавшая свои непослушные кудри в нетугие косички. Женщина, рисковавшая всем ради любви. Но стоило сумеркам накрыть штетл, как в груди Рут что-то екало, словно сапожник привязал к ее сердцу шелковую нить и тянул за нее каждый вечер. Она выжидала, пока родители заснут, напряженно прислушивалась к спокойному ровному дыханию братьев в спальне, и тогда уже, открыв створку низкого окна, выбиралась на ледяную улицу. Она знала, это было чистое сумасшествие: ведь ночи в мастерской могут иметь последствия. Как любила повторять старая София, помогавшая по

¹ Небольшое поселение полугородского типа с преобладающим еврейским населением в Восточной Европе в исторический период до Холокоста (*здесь и далее прим. ред.*).

² Важнейшая еврейская молитва.

³ Еврейская Пасха.

⁴ Балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания.

понедельникам с уборкой в пекарне, любовь – это безумство, и причиняет беды, если потерять осторожность.

...Где же моя осторожность, вопрошала себя Рут, с трудом сдерживая ликование, и открыв створку окна с помощью заранее привязанного к нему шнура, и ловко, словно угорь, проскользнула в комнату. Ведь никогда прежде в своей маленькой жизни она не была так счастлива.

1

Воскресенье, 21 октября 1923 г.

– Фройляйн Хульда! – позвал Берт, продавец газет с Винтерфельдской площади, и оживленно замахал руками.

Всегда одет с иголочки, фланелевый костюм и шляпа в тон; в его неотопливаемом павильоне в это время года бывало прохладно, поэтому поверх пиджака он накинул черное бархатное пальто. На шее красовалась бордовая шелковая бабочка – признак того, что сегодня воскресенье.

Надо же – в любую погоду он выглядит, как гость на торжественном ужине, а не как площадный торговец газетами, улыбнувшись, подумала Хульда. Подойдя поближе, она заметила, что обшлага рукавов изрядно потертые – значит, Берта кризис тоже не пощадил. Нужда, господствующая еще с начала войны, которая давно закончилась, коснулась и его.

– Что пишут в газетах? – поинтересовалась Хульда, поставив тяжелую кожаную сумку на землю и растирая пальцы, которые саднило из-за врезавшихся в них ручек. Она работала акушеркой и постоянно таскала с собой, как ей казалось, половину медицинского кабинета. Всевозможные снадобья, настойки, слуховую трубку, компрессы, прокладки. Даже по воскресеньям, когда у других был выходной, она работала: ведь новорожденные не появлялись на свет согласно календарю.

Берт специально вышел из своей будки, поклонился и поцеловал ей руку.

– Я как в лечебнице для умалишенных, – ответил он, поглаживая свои воощенные усы. – Настали безумные времена. Опять вышли новые банкноты, невероятно...

Порывшись в кармане, Берт протянул Хульде бумажку:

– Банкнота вообще-то старая. Но надпись новая.

Хульда взяла деньги и не поверила своим глазам. На банкноте номиналом в тысячу марок теперь поверх цифр было напечатано красным жирным шрифтом: «10 миллиардов». При виде такого абсурда она фыркнула – банкнота напоминала игрушечные деньги фантастической страны. Но нет, это были немецкие деньги, настоящие и в меру платежеспособные.

Если еще несколько месяцев назад никто в стране не расхаживал бы с такой суммой в кошельке, то сегодня на нее можно было купить только самые необходимые продукты.

– Один из моих покупателей работает в службе инкассации при Рейхсбанке, – начал Берт и покачал головой. – Он утверждает, что у них пачки бумажных денег громоздятся на столах высокими башнями. Курьеры их развозят в грузовиках. Скоро будет дешевле использовать банкноты вместо обоев или разжигать ими печь, чем что-то на них купить.

– Почему политики ничего не предпринимают? – спросила Хульда, нахмутив лоб. – Сколько такое будет продолжаться?

– Политики проводят время в спорах о возможном решении проблемы, – изрек Берт. – Штреземан, по крайней мере, прекратил этот злосчастный Рурский конфликт. Сейчас необходима срочная стабилизация валюты, иначе все пойдет к чертям собачьим.

– Мне это непонятно, – призналась Хульда, робея, как обычно, когда речь шла о гиперинфляции, логика которой оставалась для нее непостижимой. Политика всегда была для нее тайной за семью печатями, как и мир чисел. Между тем было невозможно избежать политики во времена кризиса – она касалась всех, от мала до велика, хотели они этого или нет.

– Как все могло так далеко зайти? – поражалась Хульда, просматривая заголовки на стенде Берта. Осенний ветер трепал газетные листы, мешая читать.

– Деньги подобны живым существам, которые проскальзывают у нас между пальцами, – объяснил Берт. – Они живут по своим законам, и мы, люди, их слишком долго игнорировали. А

теперь марка обценилась настолько, что я не представляю, как вернуть ее хотя бы на прежний уровень...

– Разве Штреземан не собирался положить этому конец? – Хульда где-то вычитала эту мысль и слегка гордилась скромной толикой знаний, благодаря которой она сумела поддержать разговор.

– Это наша последняя надежда, – проговорил Берт, и Хульда заметила мрачный и озабоченный взгляд, который совсем не сочетался с его дружелюбной натурой. – Он должен наконец-то взять управление в свои руки и остановить обвал экономики, иначе нас ждет полный крах.

Хульде стало не по себе. Она обычно старалась держаться подальше от всего этого. Ее жизнь была и без того полна забот о роженицах, усталости и нехватки денег. Был еще таинственный комиссар Карл, с которым она год назад вступила в связь, шаткую, как былинка на ветру.

Ей до сих пор не удалось его раскусить. Настроение его менялось чаще, чем апрельская погода в Берлине. Мысли о его светлых глазах за расколотыми стеклами очков, которые он не заменял из беспечности, вызвали у Хульды улыбку.

Проницательный взгляд Берта вогнал ее в краску.

– Даю триллион марок за ваши мысли, – улыбнулся Берт своей загадочной улыбкой, которую она так любила, в то же время опасаясь, что он над ней подтрунивает. Хульда знала Берта с детства и каждый раз в разговоре с ним чувствовала себя маленькой девочкой.

– Простите, Берт. Что вы сказали?

– Ничего особенного. Лишь то, что нашу славную страну ожидает хаос и анархия, множество смертей и борьба не на жизнь, а на смерть.

Хульда испытующе взглянула на торговца газетами. Он шутит или говорит серьезно? Очевидно и то, и другое, подумала она с тревогой.

– Фройляйн Хульда, – дружелюбно сказал Берт, кладя ей руку на плечо. – Я не думал вас пугать. Все как-нибудь образуется. Ведь иначе и быть не может, правда?

Она неубедительно кивнула и перевела взгляд на площадь, которая постепенно наполнялась верующими, выходящими с воскресного богослужения из церкви святого Матиаса. На мгновение Хульда оторопела, не веря своим глазам. И тут узнала пастора в черной сутане. Рядом с собой он поставил огромную корзину для белья, в которую его паства при выходе бросала банкноты, словно увядшую листву.

– Пастор фон Гален собирает деньги, – заметил Берт, щурясь от лучей блеклого октябрьского солнца, которое тут же снова скрылось за серыми облаками. – Тарелка для сбора пожертвований стала маловата. Кто его знает, может через неделю он выставит ванну или сразу целый грузовик.

Хульда хихикнула – картина казалась безумной. Но смех застрял у нее в горле, когда она узнала пару, выходящую из церкви. Плотный мужчина в коричневом костюме, с кепкой в руке, ведущий под руку изящную блондинку.

– А, господин Винтер-младший, – прощепетал Берт с едва заметной насмешкой в голосе, – и обворожительная Хелена.

– Самая красивая пара на площади, – язвительно бросила Хульда, отвернувшись с показным безразличием.

Но Берта невозможно было обмануть.

– Сердце до сих пор обливается кровью? – спросил он, вскинув брови.

Хульда покачала головой и постаралась придать лицу равнодушное выражение:

– Что прошло, то прошло.

– Вы повторяетесь, фройляйн, – заметил Берт. – А кто повторяется, тот обманывает, вам это известно?

– Боже, чего вы ко мне привязались? – с раздражением спросила Хульда. – Вам же известно, что Феликс – это бородастая история.

Жестом она продемонстрировала длину бороды.

– Кроме того, я тоже давно несвободна.

– Красавец комиссар, я о нем наслышан, – понимающе кивнул Берт. – Когда мне официально его представят?

– Вы же знакомы, – сказала Хульда, замечая в своем голосе нотки упрямства.

– То была лишь одна случайная встреча год назад, когда ваш покорный слуга указал ему дорогу к вам. – Берт стряхнул с рукава несуществующую пылинку: – С тех пор его тут редко видели. Вы не находите, что я, как ваш старый верный друг, заслужил честь познакомиться поближе с мужчиной вашего сердца, разве что... – Он не договорил и посмотрел на Хульду с многозначительным молчанием.

– Что? – нетерпеливо спросила Хульда, заранее зная, что не хочет услышать ответа.

– Разве что вы оба совсем не уверены в том, что на самом деле с вашими сердцами.

– Какой вздор! – раздраженно отмахнулась она. – Вы такой же балабол, как моя хозяйка.

– Ах, госпожа Вундерлих! – Лицо Берта приняло мечтательное выражение. – У этой дамы настоящий нюх на вещи подобного рода.

– С вашего позволения, Берт, мне плевать на нюх госпожи Вундерлих. И на ваш в том числе.

С этими словами Хульда подхватила сумку, развернулась и направилась прочь от киоска. Уже в следующий момент она пожалела о своем грубом прощании, потому что чуть не столкнулась нос к носу с Феликсом Винтером, с которым она несколько лет назад была помолвлена и который пересекал площадь под ручку со своей новоиспеченной женой.

– День добрый, Хульда, – поздоровался Феликс, доверчиво глядя на Хульду своими карими глазами. Но за теплым взглядом чувствовалась нервозность. – Как дела?

– Спасибо, хорошо, – ответила Хульда, неловко глядя на Хелену, которая стояла чуть поодаль, поправляя на себе розовое шелковое платье и плотнее кутаясь в шерстяное пальто. Хелена сосредоточенно рассматривала астры в горшках у цветочного ларька. Хозяйка ларька поджидала воскресных гуляющих, которые могли купить подарок или цветы на кладбище.

Нужда, сильно коснувшаяся многих берлинцев, вероятно, обошла Хелену стороной.

– А у тебя?

– Не жалуюсь, – сухо ответил Феликс. Хульду аж холодом обдало. – Кафе процветает. Все живы и здоровы.

Переступив с ноги на ногу, Феликс пробормотал:

– Нам пора идти, нас ждет матушка.

– Мясной рулет с вареной картошкой? – спросила Хульда и улыбнулась. Она очень хорошо помнила, как искусно готовила Вильгельмина Винтер. По мнению Хульды, это было единственное положительное качество матери Феликса, которая отличалась сварливостью и была узколобой.

Феликс улыбнулся в ответ и на мгновение преобразился в прежнего – веселого и лукавого.

– Ты обычно по два раза просила добавки, – вспомнил он. – Ты всегда была обжорой.

– Кто бы говорил! – парировала Хульда, смеясь. Она заметила кислую мину Хелены, которая подошла к Феликсу и белоснежной рукой с безупречно отполированными ногтями коснулась рукава его жакета.

– Нам пора, дорогой Феликс, – сказала она, не удостоив Хульду взглядом. Ее жеманный голос и манера говорить слегка в нос сразу же показались Хульде неприятными. – Ты знаешь, – кокетливо добавила Хелен, – в моем положении долго стоять вредно.

Хульда открыла рот и снова закрыла, как вытащенная из воды рыба. Она уставилась на Феликса, которому сделалось неловко от того, что Хелена с бухты-барахты разболтала новость. И, стараясь дышать ровно, проговорила:

– Что ж, поздравляю.

– Премного благодарны, – впервые посмотрев прямо на Хульду, промолвила Хелена и милостиво кивнула. Ее светло-карие глаза были круглыми и бесчувственными, как у куклы. Хотя нет, сейчас они выражали кое-что, от чего Хульда судорожно сглотнула. Триумф.

Внимание Хелены привлекла висевшая на крючке в киоске Берта газета «Фоссише Цайтунг» с фотографией Штреземана на титульном листе. Округлый череп с редкими волосами было легко узнать. Лицо женщины приняло кислое выражение.

– Этот диктатор со своей шайкой еврейских пособников. Отказом Рура от пассивного сопротивления он опозорил страну! – сказала Хелена и повернулась к Феликсу: – Папа нервничает. Когда мы на выходных будем в гостях у моих родителей, прошу тебя, ради бога, не упоминай ни его имени, ни этого Секта, предателя Родины, который обзывает себя главным командующим рейхсвера и делит постель с еврейкой.

Феликс неловко откашлялся.

– Нам действительно пора, – сказал он, кивнув Хульде еще раз и взяв свою белокурую жену под ручку, торопливо удалился.

Хульда проследила взглядом, как они прошли через площадь в северном направлении, где на прилежащей улочке располагался дом семьи Винтер.

Берт вышел из будки.

– Черт побери! – вырвалось у него, и Хульда обернулась. – Вот это новости. Достойные чуть ли не экстренного выпуска, согласитесь? Может быть проинформировать прессу: тогда я тоже заработаю немного за распространение такой неслыханной истории? – Он цокнул языком. – Надеюсь, глупость не передается по наследству. В конце концов бедный малыш не виноват в том, что его мать происходит из семьи нацистов.

– Я бы на вашем месте попридержала язык, – вставила Хульда и сердито покачала головой. Сумку она снова поставила на землю. – Мне показалось, Феликсу неловко от того, что все кругом узнают новость таким образом. Беременность пока на ранней стадии: ведь Хелена до сих пор тоненькая как тростинка.

Она провела ладонями по бедрам, которые ей вдруг показались шире, чем обычно. Сегодня на ней была одежда медсестры – серый костюм и белая блуза, в котором она совершала обход женщин, нуждающихся в услугах акушерки. Не потому, что все это было особо удобно. А потому, что служебная форма придавала беременным, роженицам и их семьям чувство уверенности, что они находятся в надежных руках.

Однако сегодня, вспомнила Хульда, ей придется заменить белую шапочку, покрывавшую ее короткие темные волосы, на платок. Быстрым движением она открыла сумку и вынула простой хлопчатобумажный платок. Повязав его вокруг головы, она провела пальцами по краю платка, проверяя, не торчит ли где волосинка, которую нужно спрятать.

Берт с удивлением наблюдал за ней.

– Фройляйн Хульда, – спросил он, – когда вы успели вступить в орден?

– Да ни в какой орден я не вступала, – разуверила она, приглаживая платок. – Просто сейчас я поеду на электричке в Митте, старый пригород Шпандау.

– В квартал Шойненфиртель, насколько я могу судить по вашему наряду, – заметил Берт. Хульда изумленно кивнула:

– Как вы догадались?

– Не вы одна обладаете хорошим чутьем, – засмеялся он. – Где же еще в Берлине женщины покрывают голову так тщательно, словно чьи-то взгляды могут у них что-то отнять?

Хульда кивнула: Берт был прав. Столичная мода предоставляла больше свободы. Юбки оголяли ноги аж до колен, а то и выше; многие современные дамы ходили с непокрытыми головами.

– Мне нужно к беременной, которая живет в ортодоксальной семье.

– Чем вы заслужили такую честь?

Акушерка заколебалась:

– Вы же знакомы с моим отцом?

– Конечно. Талантливый художник! Очень жаль, что он давно покинул наш замечательный квартал. Мы с ним часто вели беседы об искусстве и курили сигары.

– Сейчас он живет в округе Шарлоттенбург. Я слышала, что у него квартира с ателье и окнами до потолка. Я там еще ни разу не была. – Хульда набрала воздуха и добавила скороговоркой: – Во всяком случае он поддерживает контакт с евреями через академию искусств. Я имею в виду с другими евреями, из Галиции.

– С бедными евреями, – сказал Берт, насторожившись.

Он был прав: жители квартала Шойненфиртель не блистали образованием и достатком, в отличие от еврейских банкиров и адвокатов, проживающих в районе реформистской синагоги в Шарлоттенбурге. Скорее, наоборот: они были беспросветно бедны.

– И теперь одному из них понадобилась еврейская акушерка, – добавил Берт. Это был не вопрос, а констатация факта.

Хульда содрогнулась. И снова нехотя кивнула:

– Всё так. Я не кричу на каждом углу о своем происхождении, вам это известно. Меня не воспитывали религиозной, я не соблюдаю праздников. Кроме того, согласно еврейской традиции, человек считается евреем только по материнской линии, а это не мой случай. Иногда все же встречаются люди, которым такая наполовину еврейка, как я, более по душе, чем вообще никакая. Я охотно помогу: ведь это моя профессия. Роды есть роды, хоть с мезузой⁵ на двери, хоть под деревянным распятием.

– Ваши новые клиенты наверняка другого мнения, – предположил Берт. – В Шойненфиртель религии отводится значимая роль. Вы были там в последнее время? Там есть улицы, где на лавках торговцев еврейские надписи попадают чаще немецких. А моя борода просто смешотворна по сравнению с шикарной растительностью, украшающей тамошних мужчин.

– Меня не интересуют лавки и бороды, – вставила она. – Я лишь хочу помочь появиться на свет здоровому ребенку.

– Только не говорите потом, что я вас не предупреждал. Шойненфиртель, моя голубушка, полон не только евреев, но и всевозможных других персонажей. Сомнительные художники, барыги, проститутки... С таким же успехом вы можете принимать роды на луне – так далек этот великолепный сумасшедший дом от нашего образцового Шёнеберга.

Хульда с любопытством оглядела Берта, глаза которого, несмотря на предостережение, излучали энтузиазм.

– Неужели? Вы так благосклонно отзываетесь о нашем округе? Бедность, проституция, спекулянты... здесь этого добра тоже хватает в избытке.

– Возможно, – согласился он. – Однако в сравнении с кварталом Шойненфиртель сутенеры здесь кажутся бедными сиротками, а проститутки – начищенными до блеска ангелами. И все же я не знаю, ад там или рай. Там можно отведать великолепную еду, купить лучшие сигары и все, чего душа пожелает, что нам и не снилось.

Хульда хихикнула. Ее любопытство росло. Она действительно редко бывала в тесном квартале к северу от Бёрзенбанхоф в недавно присоединенном округе Митте и знала тамошние порядки только понаслышке. Было бы интересно самой получить представление. В то же

⁵ Прикрепляемый к косяку двери в еврейском доме свиток пергамента, содержащий часть текста молитвы «Шма».

время она чувствовала, что нервничает. Что ее ожидает в узких проулках, по которым она будет пробираться к дому Ротманов?

– Вы обеспокоены, – заключил Берг.

Вот досада, подумала Хульда, почему он всегда видит ее насквозь?

– Чутьочку. Видимо, в семье есть трудности, – признала она. – Мне намекнули, что там что-то не так. Что-то с молодой матерью. Но я не знаю, что именно.

– Вы это выясните.

– Несомненно, – уверила она. – Сегодня же.

2

Воскресенье, 21 октября 1923 г.

Город поглощал свет, впитывал его между высоких, черных от сажи стен и больше не отпускал. Когда Тамар Ротман подняла голову к затянутому облаками небу в надежде увидеть хоть какой-то просвет, она мгновенно разочаровалась. Из-под ног взлетела грязно-белая стайка голубей. Хлопанье крыльев напомнило удары плети и эхом отозвалось среди домов. Пахло прелыми овощами, дымом из многочисленных труб. Вдоль ухабистой обочины валялся всякий хлам.

Тамар огляделась. Усталая проститутка с увядшим лицом выкарабкалась из сравнимого с мышинной норой полуподвала в переулке Шлендельгассе и поковыляла в разорванных чулках вверх по улице Гренадеров в северном направлении.

Малолетние оборванцы играли на мостовой: у одного из мальчишек был дряхлый велосипед, и он разрешал восхищенным детям по очереди взбираться на него, чтобы прокатиться один круг. Мало кто из детей имел обувь, большинство было босоногими, несмотря на осеннюю прохладу.

Мимо прошла молодая неопрятная женщина. Она катила коляску, бывшую когда-то белой внутри, но после несметного количества младенцев, успевших там полежать, ткань подкладки топорщилась от грязи.

– Анегрет, мамеле⁶! – окликнула другая, одетая в черное женщина, высунувшись из окна над молочной лавкой. «Яйца, молоко, сыр, масло» – было выведено белыми буквами по кирпичу. Висящая рядом табличка обещала «кошерное». Выстроилась длинная очередь – с тех пор как цена на хлеб возросла до нескольких миллиардов марок, торговцы в лавках еле успевали считать деньги и испытывали терпение покупателей на прочность.

Сегодня было воскресенье, но не все лавки устраивали выходной, потому что у их владельцев-евреев оно считалось обычным рабочим днем.

– Мазаль тов, Анегрет! Как себя чувствует либ эйнгль⁷?

– День добрый, Ривка, – поздоровалась в ответ молодая мать и подкатила коляску поближе к стене дома, чтобы посудачить со знакомой. – Малыш Гельмут прекрасно себя чувствует.

– И неудивительно, – рассмеялась Ривка, еще больше высунувшись из окна, чтобы разглядеть младенца поближе. – Лежит себе целый день, в тепле, в уютных пеленках, всегда накормлен. Как только ему придется батрачить в табачной лавке твоего мужа, он посмотрит на мир другими глазами.

– До тех пор у нас еще много времени, – сказала мать, ласково глядя младенца по щеке.

Соседки засмеялись: эти привычные звуки оживили унылую улицу. Тамар позавидовала столь доверительным отношениям обеих женщин, знавших друг друга долгие годы, и жизнь которых протекала похоже, несмотря на разницу в происхождении. Бесспорно, жизнь еврейских женщин тяжела: работа и ограничения. Но им по крайней мере известно, кто они и кем они будут в будущем.

Тамар окинула взглядом улицу. Ряды лавок с вывесками на идише и немецком зазывали прохожих. У крупной уксусной фабрики «Франс Хейн» стояла пустая крытая повозка: видимо, привезли новые бочки. В бакалее «Карл Дитрих» имелись кофе, сахар, чай и «хозяйственные товары для стирки», судя по заржавевшей вывеске. У пивной лавки стояла группа русских и

⁶ Мамеле – мамочка (пер. с идиша).

⁷ Либ эйнгл – милый ангелочек (пер. с идиша).

пускала по кругу бутылку. Ортодоксальные евреи с длинными бородами и в сюртуках проходили мимо Тамар, они шли за своим раввином в одну из многочисленных молелен, которых насчитывалось в квартале больше сотни. Подошло время обеденной молитвы.

Порыв ветра перекинул шуршащие сухие листья и старую порванную газету на другую сторону улицы. Тамар успела увидеть ее заголовок: «Черный рейхсвер угрожает столице».

Тамар похолодела. Что это значит, она не поняла, но слова испугали ее. Немецкие слова часто были холодными, твердыми и острыми, как куски льда – лед обычно приносили летом в квартиры для хранения продуктов. Она запахнула потуже темное шерстяное пальто, более состоявшее из заплат, чем из ткани. Наскоро проверив, прикрыты ли ее длинные черные волосы платком, как ожидал от нее муж, Тамар снова посмотрела в небо.

Там, откуда она родом, свет не был таким грязно-серым. Он был мягким и даже осенью золотил белые и желтые крыши города Смирны. Смирна находилась далеко-далеко отсюда, в Малой Азии. С моря, переливающегося на солнце бирюзой, дул легкий бриз, одновременно соленый и сладкий. Судна со всего мира стояли в гавани, извергая свой груз, как кит ошеломленного Иону.

Это было в другое время, в другой жизни! Даже имя у нее тогда было другим – она звалась не Тамар Ротман, а Анаит. Анаит – это другая женщина. Женщина на своем месте, с сердцем, которое жизнерадостно билось и не болело от тоски и бессилия.

Ее город перестал существовать, сгорел дотла – прямо на глазах. Превратился в пепел. А море, бьющееся о камни гавани, окрасилось кровью ее народа – армян.

Она вспомнила мать, поспешно вытирая слезы, выступившие на глазах. Мать часто повторяла: «Ты красивый фрукт, Анаит, фрукт мягкий и сладкий, как финик, с крепкой косточкой. Не забывай это». Тамар улыбнулась сквозь слезы. Такое не забывается. Это были последние слова, услышанные ею от матери. Сейчас же ей казалось, что эта косточка – ее сердце – окаменела в груди.

Лишь рядом с Цви все иначе, подумала Тамар, нетерпеливо всматриваясь сквозь грязные окна магазинчика, возле которого она стояла в ожидании. Но ее мужа не было видно.

Осенний ветер покачивал дверную табличку на идише, которая тихонько поскрипывала. Чуть поодаль от Тамар стояли трое мужчин. Они курили трубки и разговаривали на странном языке, который Тамар даже после нескольких месяцев пребывания в Шойненфиртеле плохо понимала. Это был идиш, полный долгих гласных «и», с кучей «х» с придыханием, которые так и норовили застрять в горле. Тем не менее язык очень походил на немецкий, к которому ее уши успели привыкнуть. На немецком она разговаривала после бегства из Смирны в Галицию, где большинство людей говорило на польском, но немецкий не забыло. Немецкий был языком ее любви. Ее с Цви языком.

Куда он запропастился?

Ну наконец-то, дождалась. Цви махал ей, с триумфом держа над головой зажатый в кулак букетик петрушки, словно только что выигранный лавровый венец. Тамар улыбнулась и погладила свой округлый живот. Ребенок внутри активно бил ручками и ножками, как будто чувствовал ее счастье. Муж был для нее радостью, жизнью, светом в окне. Был для нее спасением и родиной, особенно здесь, на чужбине, где они так и не стали своими. В этом холодном, сером Берлине, городе с низкими домами и грязными дворами, куда не проникает луч света, особенно остро чувствовалось одиночество – несмотря на то, что Берлин кишел людьми с изможденными морщинистыми лицами, суровыми глазами и цепкими руками.

Дрожь снова пробежала по телу. Тамар слегка пошатнулась, но Цви тут же оказался рядом. Маленькие глаза за стеклами очков радостно блестели, борода отливала золотом. Он взял Тамар за руку и повел вниз по улице, рассказывая о подскочивших ценах и бараньей ножке, которую он урвал и прятал сейчас за пазухой. Это был первый за несколько недель кусок мяса. Он попросил Тамар приготовить на ужин жаркое.

– Конечно, если у нас будет газ, – добавил он.

Из-за многочисленных стачек на фабриках и заводах в домашнем хозяйстве не доставало самого необходимого, газ регулярно отключали, и угля тоже не хватало.

– Когда же готовить? – спросила Тamar. – Ты знаешь, что придет эта женщина, которую нашел твой отец. Хульда Гольд, акушерка.

– Я помню. Думаю, ее визит не затянется. Как долго ты собираешься разговаривать с незнакомкой о распашонках и детской присыпке? – С этими словами Цви нежно толкнул Тamar в бок, и она не стала обижаться на его насмешку.

Затем его лицо посерьезнело, и он сказал:

– Сегодня мы все соберемся за одним столом. И тебе, Тamar, придется поколдовать.

Он был как ребенок, вдруг пришло ей в голову, его лицо словно открытая книга, а сердце слишком уж обнажено. Каждый мог дотянуться до этого сердца, крутить и вертеть им в своих целях.

– Поколдовать?

– Да, ради нас. Ради ребенка. Мы должны показать им, что можем быть семьей. Что мы действительно созданы друг для друга, ты и я. И *клеине кинд*⁸.

– Ты же знаешь, как я этого хочу, – проговорила Тamar. – И твой отец на моей стороне, я уверена. Он всегда добр ко мне, не дает повода чувствовать себя чужой.

– Я знаю. Отец либерален, несмотря ни на что. Он желает лишь мира. Но этого мало! Мы еще должны убедить мать, – Цви схватил Тamar за руку, крепко обнял за плечи и посмотрел в лицо.

Как она любила эти глаза! Такие умные. Полные нежности. Но бесконечные заботы и мысли о будущем делали их грустными. Тamar почувствовала, как внутри нее все сжимается.

– Чего тебе надобно, Цви? – обратилась она к мужу. – Я готовлю для твоих родителей, мясо получается всегда таким нежным, что тает во рту. Я убираю и выдраиваю халупу, в которой мы ютимся, так, что она блестит, точно это дворец. Я никогда не жалею и целую твоей матери руки. Чего ты еще хочешь?

За стеклами очков Цви прикрыл глаза. Тamar упала духом. Она знала, чем это кончится.

– Они говорят, я должен жениться на иудейке.

– Ты женился на мне.

Он тяжело задышал и вздохнул. Впервые Тamar заметила две тоненькие морщинки, тянувшиеся от его носа к уголкам рта.

– Не перед лицом закона, Тamar.

– Чей это закон?

– Моей семьи. Иудейский закон.

– Посмотри, – она понизила голос, – в этом и заключается ошибка. Это не мои правила. Это не моя семья. Я поехала с тобой в эту холодную страну, милый Цви, я бы последовала за тобой хоть на край света. Но я не могу перечеркнуть прошлое. Я приняла имя, которое ты так любишь, без особого труда. Моя мама звала меня в детстве «финик»... Но твоя религия – это чересчур. Я не могу.

– Почему? – простонал Цви.

Этот разговор они вели не впервые. Цви часто слышал довод, который сейчас снова привела Тamar:

– Это означает предать умерших.

– Но Тamar, – он немного отстранился, окинув жену долгим взглядом, – разве живые не важнее мертвых?

⁸ Клейне кинд – маленький ребенок (*пер. с идиша*).

Тамар почувствовала, как тает от этого взгляда, как все внутри сделалось мягким и нежным. Хорошо бы стать уступчивой и ручной, как кося, подумала она. Но этим единственным пунктом она поступиться не могла, даже ради мужа. Едва заметно она покачала головой, но он увидел.

– Прошу тебя, – продолжал настаивать Цви, – подумай еще раз. Иначе я не знаю... – он не закончил предложение, но Тамар поняла, что он хотел сказать.

Она задрала голову и посмотрела вверх, вдыхая дымный воздух берлинской осени, следя глазами за облаками и представляя, как их путь тянется по ненастному небу аж до Смирны. До моря.

Однако невысказанная угроза отзывалась эхом в голове. И это эхо не смолкало.

3

Воскресенье, 21 октября 1923 г.

Хульда в нерешительности посмотрела на листок с адресом Ротманов. «Улица Гренадеров», – пробормотала она, оглядываясь по сторонам.

Полчаса прождав электричку, она наконец-то доехала в переполненном вагоне до вокзала Биржа и дальше пошла пешком. Она неуверенно направилась на северо-восток, лавируя между двух дюжин тел и иногда их перешагивая: одни нищие спали прямо на голой брусчатке, другие жалостливо выпрашивали кусок хлеба. Бездомных в городе было не счесть, из-за инфляции ежедневно увольняли рабочих, семьи теряли средства к существованию, и в перспективе улучшений не ожидалось. Даже те, кто имел работу, получали зарплату с перебоями. Так дело дошло до стачек и массовых забастовок, даже трамваи перестали ходить регулярно.

Не успев завернуть в боковую улицу, Хульда тут же потеряла ориентацию. Здесь переулки и улочки сплетались как нитки в клубок, к каждому дому прилегалo несколько дворов, связанных друг с другом наподобие лабиринта. Мостовая была разбита, отдельные булыжники выдраны из земли.

Хульда споткнулась о разбитое стекло и испуганно оглянулась, услышав сзади громкий хлопок. Оказалось, что ничего страшного – звук издавала выхлопная труба автомобиля, решившегося проехаться по узким улочкам.

Судя по дорожному указателю, Хульда шла по улице Гормана. Заметив, что слишком далеко забрала на запад, она остановилась в растерянности и поставила сумку.

– Эй, сестра, вам помочь?

Здоровенный мужик в русской шапке-ушанке преградил ей дорогу.

– А-а, Минотавр, – вырвалось у Хульды при виде необычного головного убора.

– Простите? – переспросил мужик и почесал голову под шапкой.

– Шутка, не обращайтесь внимания, – махнула рукой Хульда. – Не подскажете, как пройти к улице Гренадеров?

Мужик смерил ее взглядом, прищурил глаза и указал большим пальцем направление:

– В ту сторону, до самого конца улицы Мулакштрассе, мимо площади Шендельплац, через переулок и далее следуйте зловонию. Да-да. Там живет ужасный сброд. Такой приличной сестре, как вы, следует быть осмотрительной.

Хульда усмехнулась: сестринская форма и платок порой сбивали с толку. Помахав в знак прощания рукой, Хульда подхватила свою акушерскую сумку, сказав:

– Благослови вас Бог.

И прикусила губу, чтобы не засмеяться.

А потом поспешила в указанном направлении. Мулакштрассе, пережиток старого Берлина, выглядела как театральные декорации. У Биржи, где акушерка сошла с поезда, город сверкал стеклами витрин современных универмагов, радовал обилием роскошных ресторанов и модной архитектурой. Там располагался новый центр Берлина. А чуть поодаль в нескольких метрах возникало чувство, что бродишь по штетлу прошлого века. Кособокие дома стояли близко к обочине дороги, тротуар здесь отсутствовал, так что Хульде пришлось шагать по проезжей части. Навстречу ей проехала ослиная повозка, беззубый кучер размахивал плетью. Горстка оборванных детей сидела на бордюре, играя в бабки маленькими шариками, слепленными из грязи.

И все-таки кое в чем добрый друг Берт оказался прав: из подвальных окон домов доносились соблазнительные ароматы незнакомых приправ, сладкого свежее испеченного хлеба, терпкого табака. В витринах лавчонок можно было обнаружить самые разные и весьма неожиданные

ные товары. Блестящие безделушки приглашали рассмотреть их вблизи, зайти сквозь низкий проем внутрь маленькой лавки и торговаться, сколько пожелаешь, за трубку из сепиолита, за золотой портсигар или пачку шафрана. Хульда внезапно вспомнила, что Берт покупает в этом районе свои любимые пластинки. Где был тот магазин, который он один раз даже назвал знаменитым, «Студия пластинок Левин»? Она его нигде не видела.

Хульда прошла мимо длинного дома, нелепо втиснутого между своими большими братьями и робко льнущего к их тени. Окна были завешены гардинами, стекла, очевидно много лет обходившиеся без мытья, подслеповато пятались на узкую улицу. Вывеска над дверью гласила: «Ресторан Содтке». В названии «ресторан» Хульде показалась какая-то насмешка. Она сразу поняла, что вечерами здесь не только ели, потому что глядевшая из верхнего окна худая женщина с ярко накрашенными губами и в одной прозрачной сорочке показывала Хульде язык. Энергичным движением задернув потускневшую ажурную занавеску, она исчезла.

Хульда огляделась. Она казалась себе настоящей мещанкой из богатого квартала западной части города и до сей поры считала окрестности Винтерфельдской площади захватывающим развлечением, а свои похождения в ночные заведения рядом с улицей Бюловштрассе неприличными. Но этот квартал, думала она по дороге, действительно совершенно иного сорта. Берт был прав.

Как и предсказывал мужик в меховой шапке, запах усиливался, однако Хульда не назвала бы его вонью, скорее испарениями, отдающими незнакомыми блюдами, кучей народу в тесных квартирах, горящим углем и старыми постройками.

Вдоль улицы тек ручеек, мутный и зловонный, и запах стал резче.

Мулакштрассе вела к маленькой треугольной площади, на которой кипела бурная жизнь. Со всех сторон по грязным улицам гроыхали повозки, матери бранили на берлинском диалекте своих детей, мужчины спорили, угрожающе потрясая кулаками, торговцы крикливо расхваливали свои товары, куры с кудхатаньем бегали по площади.

У Хульды снова возникло чувство, что она временный гость на далекой звезде. До ее слуха долетала певучая, рыкающая, блеющая смесь разных языков. Отовсюду слышался немецкий, в основном берлинский диалект, обрывки польского, русского и напевного восточного идиша, который она знала еще от давно умершей бабушки. Бабушка Шошана, мать ее отца, которую она в детстве нечасто видела, всегда пахла дымом. Но тут, в толчее Шойненфиртель круглое растерянное лицо старушки так четко возникло перед глазами Хульды, словно найденная на задворках памяти фотография, которую она сейчас с удивлением рассматривала.

С легким недовольством Хульда тряхнула головой, стараясь прогнать призрачное видение. Отчего она стояла тут в задумчивости, словно увязнув в сточных водах, омывающих ее ноги, в то время как ее ожидали? Хульда ценила пунктуальность. Надежность в мелочах давала будущим матерям ощущение заботы и защищенности. Таким образом они могли расслабиться, в мрачные болезненные часы родов вверить свою жизнь и жизнь ребенка рукам практически незнакомой женщины.

Поэтому Хульда стукнула сапогами друг о дружку, стараясь сбить жидкую грязь, пересекла площадь, со своей тяжелой сумкой пробираясь через толпу, и оказалась в переулке, не имевшем даже указателя с названием. Пройдя по нему, она увидела дома следующей, более широкой улицы, которая шла перпендикулярно этому переулку. Взглянув на указатель с названием, Хульда облегченно вздохнула: это была улица Гренадеров. Теперь оставалось только разыскать номер дома.

Это было нелегко. Люди толкались на оживленной улице, заставленной деревянными повозками, за которыми продавали хлеб, цукаты или ткани. Не все двери были пронумерованы, многие подворотни были тоже без номеров. У Хульды зарябило в глазах при виде многочисленных вывесок и плакатов на идише. И это Берлин? Ее родина, город детства? Здесь она почувствовала себя иностранкой, хотя и носила еврейскую фамилию.

«Ну и ладно», – подумала Хульда. Своему еврейскому происхождению она не придавала большого значения.

А сейчас еврейская жизнь Берлина ее заворожила, но в то же время показалась ей странной и чужой.

Здесь, в квартале Шойненфиртель, можно было наблюдать эту жизнь во всех необычных проявлениях. Многие мужчины носили длинные сюртуки и шляпы. Бороды свисали до животов. Пожилой мужчина в черном двигался прямо на Хульду – на нем была широкополая шляпа, низко надвинутая на лоб, а когда же Хульда с испугу чуть не шарахнулась от него, он поднял глаза и приветливо улыбнулся ей из-под полей. Хульда ответила кивком, злясь на себя за дурацкую пугливость.

Она огляделась по сторонам. Мальчишки-евреи носили кипу⁹ на затылке и отпускали волосы на висках, девочки ходили в длинных юбках, многие из них покрывали голову платком. Но среди еврейских жителей квартала попадались и не евреи: женщины с колясками, купцы, спешащие по делам к Розентальским воротам, дети со школьными ранцами за плечами и недовольные домохозяйки, тащившие свои деньги в чемоданах и тележках, чтобы отхватить в переполненных лавках необходимые продукты.

На фоне царящей суматохи Хульда не выделялась. Непринужденное слияние различных жизненных укладов произвело на нее неизгладимое впечатление.

Она бродила в поисках нужного дома, с любопытством рассматривая ассортимент магазинчиков – кошерные булочные, мастер по изготовлению фортепиано, токарь, краковский мясник, бакалейная торговля, обувные мастерские, торговля музыкальными инструментами, библиотеки и многое другое – пока ее взгляд не упал на ворота, над которыми белой краской был написан нужный номер дома. С облегчением перепрыгнув через ручеек из нечистот, и здесь беззастенчиво протекавший по краю мостовой, Хульда толкнула тяжелые ворота.

– Ты знаешь Ротманов? – спросила она неряшливую девочку, повисшую в темном дворе вниз головой на перекладине для ковров.

Ребенок перекувырнулся и встал на ноги. Несколько камушков покатались Хульде под ноги.

– Кто спрашивает?

Губы Хульды тронула улыбка.

– Меня зовут Хульда. Я акушерка.

– Ах да, жена еврея ждет ребенка! У нее уже такой огромный живот. – Девочка развела тонкие ручонки, чтобы наглядно продемонстрировать округлости женщины.

– Жена еврея?

– Да, Ротмана. Молодого, конечно, старый уже точно не способен, так говорит мой отец.

Девчонка сделала непристойный жест, и Хульда изумленно посмотрела на нее. Хульда уже перестала удивляться поведению детей из бедных кварталов, но манеры и познания этой соплячки превосходили весь ее предыдущий опыт.

– А почему ты говоришь «жена еврея»?

– Вы не из нашего круга, верно? – спросила девочка, презрительно щелкнув языком, словно обнаружив в посетительнице непростительный изъян. – Иначе вы бы знали, что госпожа Ротман не еврейка. И не немка, что-то другое, гречанка или в этом роде. Во всяком случае у нее чернящие волосы, длинные и темные, как вороньи перья. Любой парень был бы не прочь запрыгнуть на нее, говорит мой отец.

Этот отец создает впечатление восхитительного человека, отметила про себя Хульда и полезла в карман пальто за завернутой в фантик карамелькой, горстку которых она всегда носила с собой. Сама она тоже между делом была не прочь полакомиться сладостями.

⁹ Традиционный еврейский головной убор в виде маленькой круглой шапочки на темени.

Глаза девочки разгорелись как свечи на новогодней елке, маленькая грязная ручонка дернулась вперед. Хульда протянула конфету, девчонка поспешно развернула фантик, словно боясь, что сладость сейчас отберут, и запихнула ее в рот. Правда, поблагодарив:

– Спасибо, фройляйн.

Хульда выжидающе приподняла брови. Девочка догадалась и прошамкала с конфетой во рту:

– Третий подъезд, четвертый этаж, квартира над стариком Кюне.

– Премного благодарна, – сказала Хульда, в очередной раз стараясь не улыбаться, ибо девочка со щекой, за которую она, как хомяк, сунула конфету, выглядела слишком комично. Но при виде исхудалого личика, глубоко посаженных глаз и тощего тельца под халатом у Хульды пересохло в горле, и она поспешно отвернулась. На голодных детей было одинаково больно смотреть: что в Митте, что в Шёнеберге.

Она пересекла один двор и достигла второго. Если и первый двор ей показался темным, то здесь царил почти кромешная тьма. Хульда проскользнула через еще одну арку к третьему подъезду, и дальше ей пришлось ощупью подниматься вверх по коридору, так как выключатель был сломан и свет не горел.

Дерево скрипело под сапогами, пахло тухлой капустой, канализацией и нищетой. На третьем этаже кто-то захлебывался кашлем, наверное, старик Кюне, которого упомянула девочка.

Дверь квартиры на четвертом этаже была приоткрыта. Хульда постучала, сперва робко, но никто не открыл, потом настойчивее.

Тогда она осторожно толкнула дверь.

– Госпожа Ротман? – вполголоса крикнула она в сумрачную пустоту. – Хульда Гольд, акушерка.

Она принялась. Запах тушеного мяса распространялся по коридору, заглушая вонь лестничной клетки. Раздавалось гроыхание кастрюль и тяжелые шаги. И еще кто-то пел – низкий и громкий женский голос выводил красивую, нежную и печальную мелодию.

Хульда пошла на голос. Дверь в кухню была приоткрыта, и только Хульда собралась постучать, чтобы сообщить о своем появлении, как ошеломленно застыла, увидев женщину.

Госпожа Ротман действительно была на сносях – дерзкая девчонка не преувеличивала. Ее огромный живот выпирал, натягивая щедро заплатанный халат. Но это не мешало женщине снова на кухне. Госпожа Ротман – а наверняка это была именно она, – не переставая напевать, то подходила к плите, открывала крышку сотейника, зачерпывала ложкой, пробовала, возвращалась к столу – то за специями, то за ложкой, то убавляла дорогостоящий газ, то прибавляла. На буфете остужался хлеб, от которого еще шел пар. пышная коса госпожи Ротман достигала бедер и подплясывала в такт ее движениям.

Вот женщина развернулась всем телом, заметила стоявшую в дверях Хульду. И тут же прикрыла ладонями рот, словно принуждая себя мгновенно замолчать.

Хульда быстро вошла и положила беременной руку на плечо.

– Я не хотела вас пугать, – заверила она, – дверь была открыта, и вы...

– Я снова замечталась и ничего не слышала, – продолжила госпожа Ротман, и Хульда заметила, что губа ее едва заметно дрогнула, словно от стыда. – Матушка Рут уже сколько раз запрещала.

Она говорила с акцентом, мило округляя гласные и делая мягкими согласные.

– Матушка Рут? – переспросила Хульда.

– Моя свекровь, – пояснила госпожа Ротман и добавила: – мой муж Цви и я, мы живем здесь под одной крышей с его родителями. Матушка Рут и батюшка Аври пакуют вещи в задней комнате, мой свекор собирается в дальнейшее путешествие.

Неопределенным жестом госпожа Ротман махнула туда, откуда слышались приглушенные голоса. По описанию наглой девчонки Хульда ожидала, что увидит женщину с экзотиче-

ской внешностью, но кроме длинных, действительно красивых темных волос, госпожа Ротман была ничем не примечательна. На ее лице застыло выражение страха. Хульда подозревала, что жизнь в семье Ротманов не была легкой. Она всякое повидало. Несколько человек ютилось в одной тесной комнатухе – такова судьба всех берлинских бедняков, бедные евреи не исключение. Они делили кухню и гостиную, часто являющуюся местом надомной работы, и действовали друг другу на нервы. Ссоры и напряженная обстановка в доходных домах города не были редкостью. Потому Хульда уже давно решила для себя, что не будет принимать близко к сердцу все то, что увидит в подобных жилищах, – если хочет остаться в профессии и не сойти с ума. Эти люди другого и не ведали: теснота и невозможность уединиться являлись обычным делом. Но что-то в облике этой молодой женщины, которая, несмотря на свой большой живот, прыгала к плите и убавляла газ, тронуло Хульду: наверное, контраст между глубокой печалью в глазах и резвая суета вокруг плиты.

Хульда сглотнула, поставила тяжелую сумку и тихо спросила:

– Мы можем поговорить здесь минутку?

Госпожа Ротман кивнула. Она подошла к буфету и, оторвав кусок свежего хлеба и положив на тарелку, поставила ее на стол. Затем со стоном опустилась на узкую кухонную скамью и указала на шаткий деревянный стул – единственный предмет мебели, на котором можно было сидеть.

Хульда отодвинула в сторону простыню, сушившуюся на протянутой через комнату веревке, и осторожно присела.

– Меня зовут Хульда Гольд. Там, где я живу, люди зовут меня фройляйн Хульда.

– Мне нравится, – с робкой улыбкой произнесла молодая женщина, рассеянно поглаживая живот. – Пожалуйста, угощайтесь, хлеб я только что испекла. Он с семенами фенхеля и отпугивает дьявола.

Хульда изумленно отломилла кусочек теплого хлеба и положила в рот. Вкус у него был необычный, пряный, но очень приятный.

«Дьявол... – подумала она, – неужели эта женщина ожидает его в любой момент здесь, на кухне?»

– Как вас звать? – спросила Хульда.

– Ана... Я хотела сказать – Тамар. – Щеки беременной залились краской.

Хульда улыбнулась:

– Что вы сначала хотели сказать?

Женщина смущенно покачала головой:

– Раньше у меня было другое имя. Но я хочу его забыть. Обычно у меня это неплохо получается.

Хульда кивнула, показывая, что поняла ее, но удивилась. Забыть свое собственное имя? Получается, забыть самого себя? Хотя, подумала она с горечью, это желание было ей самой не так уж и чуждо.

– Тогда я буду называть вас Тамар, если вам это предпочтительнее, – предложила она. – Где ваш муж?

– Он в молельне с новым молодым раввином, – ответила Тамар. – С тех пор как тот несет службу в квартале, *итибель* всегда полон. И Цви считает, что в женских делах мы обойдемся без его присутствия.

– Что ж, – признала Хульда, которая избегала открытой критики, – тут он действительно прав, роды вы должны осилить сами с моей помощью, тут он вам не помощник. Однако я бы с ним с удовольствием познакомилась. Может быть, удастся в следующий раз.

Про себя Хульда подумала, что в следующий раз, должно быть, предстоят роды, так как вид Тамар предвещал, что она скоро разродится. Раздражение охватило Хульду при мысли о том, что семья так долго тянула, прежде чем обратилась к ней. Легко могло случиться, что эта

юная женщина родила бы без предварительного осмотра, без медицинской помощи, в лучшем случае под присмотром свекрови, которую она, очевидно, боялась, ибо все время прислушивалась к голосам из гостиной и вздрогнула, как только женский голос стал громче.

– Послушайте, – сказала Хульда, придвигая стул поближе к Тамар, – я буду рада, если вы мне ответите на пару вопросов касательно вашей беременности. Я бы хотела вас осмотреть, но на кухне это невозможно. Есть место, где вы можете лечь, вытянувшись, и где нас не потревожат?

– В спальне, – понизила голос Тамар. – Вообще-то она больше похожа на каморку, но это наша спальня. А матушка Рут и батюшка Аври спят в гостиной.

– Хорошо, – сказала Хульда. – Вы знаете, на каком вы сроке?

– На девятом месяце, – ответила Тамар, вновь краснея. – Я это точно знаю, потому что... так вышло, ребенок был зачат в нашу брачную ночь.

– Какая благовоспитанность, – улыбнулась Хульда, стараясь выдержать шутливый тон. – Но позвольте спросить, откуда у вас такая уверенность, что только эта ночь может быть временем зачатия?

На этот раз Тамар так часто заморгала от волнения темными ресницами, что у Хульды закружилась голова.

– На следующий день мы отправились в путь, – прошептала она. Цви, его родители и я, сюда, в Берлин. Несколько недель мы были в дороге, спали под открытым небом, иногда на постоянных дворах, и нам с мужем больше не представилось возможности остаться наедине. Ну вы понимаете. Семья Цви давно планировала покинуть Галицию и попытать счастья в Германии. Под конец дела в пекарне стали так плохи, что ее пришлось закрыть. Слишком много конкурентов, по словам батюшки Аври. Здесь же, в Берлине, оказалось еще хуже, поэтому он сегодня отправляется искать для нас лучшее место, в окрестностях за городом.

– Понимаю, – сказала Хульда. – Значит, вы здесь недавно?

– Чуть больше полугода, – ответила Тамар, – дорога была дальней. Я ожидала другого, но кто я такая? Моего мнения и не спрашивают, я для семьи только обуза. – Она стыдливо опустила глаза. – Семья Цви оставила все и приехала сюда. Так что они тут тоже всего лишь приезжие.

Ее лицо сделалось непроницаемым, словно его закрыли занавеской.

После недолгого молчания Тамар добавила:

– Но это мне хорошо знакомо. Это для меня не ново – не быть частью чего-то.

Хульде захотелось ее расспросить поподробнее, но выражение лица Тамар заставило ее ограничиться улыбкой и сменить тему.

– Вы хорошо себя чувствуете?

Тамар кивнула:

– Беременность протекает легко. Мой сын сильный и здоровый, я ежедневно это чувствую. Он благословенен, несмотря ни на что.

– Ваш сын?

– Я знаю, что будет сын, – сказала Тамар. – Знаю – и все. У моей нации есть поверия, указывающие на пол ребенка. Если у матери, к примеру, бодрые ясные глаза, то будет мальчик. Я уверена, что будет сын.

Хульда недоверчиво посмотрела на Тамар. Глаза ее выглядели скорее усталыми.

– У вашей нации?

Пристальный взгляд Тамар было трудно вынести. В нем читалось непомерное отчаяние и почти осязаемый страх.

– Я знаю, что батюшка Аври пригласил вас, потому что вы еврейская акушерка, а семье это важно. – Она бросила нервный взгляд сквозь приоткрытую дверь, словно ожидая, что све-

кор в любой момент ворвется сюда. – Это хорошо, я рада любой поддержке. Но я не иудейка, чтобы вы знали.

Хульде стало смешно. *Это* заботило молодую женщину? Тамар смотрела на нее со страхом, словно боясь, что еврейская акушерка сию же минуту наложит на нее проклятие за веру в другого бога.

– Не переживайте, – успокоила Хульда. – Я не верю в зов крови и прочее, и в Бога тоже не верю.

Тамар от удивления раскрыла рот.

– Не верите? – переспросила она. – Странно.

– Странно? Почему?

– Как вы всё это выдерживаете? Без какого-либо бога, на которого можно возложить вину?

Хульда изумленно уставилась на нее. Эта женщина умно рассуждает, почти по-философски. В этой загаженной дыре квартала Шойненфиртель она в одночасье предстала жемчужиной в навозной куче. Хульда хотела ответить, но слова застряли у нее в горле. По правде говоря, у нее не нашлось ответа.

– Тамар, – сказала она преувеличенно бодрым тоном, – я здесь не для того, чтобы обсуждать с вами религию. А потому, что вы скоро произведете на свет ребенка, и я хочу вам в этом помочь.

Она поднялась. Но любопытство взяло свое.

– Какой вы национальности? Вы гречанка?

– Я армянка, – ответила Тамар, – из Смирны, морского города, очень далеко отсюда.

Хульду удивило, что эту юную женщину занесло в такую даль. Она не стала расспрашивать, увидев, как Тамар сжала губы, начинавшие предательски дрожать.

– Пойдемте, – дружелюбно пригласила она, – давайте приступим к осмотру.

Тамар послушно прошла в крошечный чулан, соединенный с кухней. В помещении размером с подсобку на полу была расстелена скромная постель. Мутный свет проникал сквозь узкое окно в дальнюю часть помещения, отделенную занавеской. Там Ротманы хранили постельное белье и одежду, лежавшую стопками в двух ящиках.

Даже в полумраке каморки было видно, как стесняется Тамар.

– Тут очень уютно, – подбодрила Хульда. – Лягте, пожалуйста, на спину, платье снимать не нужно, только сдвиньте его кверху и оголите живот, если не трудно.

Тамар легла, и что-то в ее движениях смутило Хульду. Приплясывая на кухне наедине с собой, она излучала энергию и жизнерадостность, а сейчас двигалась неповоротливо и скованно, будто подневольно.

«Словно ложится на разделочный стол. Надо демонстрировать ей дружелюбие и сконцентрироваться на главном», – подумалось Хульде, и она поспешила отключить мысли.

Она опустила на колени перед Тамар и принялась уверенно ощупывать ее живот. «Тамар права, малыш хорошо себя чувствует», – довольно отметила она про себя. Ребенок активно задвигался, почувствовав через стенки своего кокона чужие руки. И, кажется, хорошо подрос: головка уже лежала в начале родового канала.

– Замечательно! Здоровый и сильный младенец, как вы и сказали, – заключила Хульда.

Она наблюдала за лицом Тамар. Обычно в этот момент лицо женщин, которых она осматривала, выражало облегчение, ибо будущая мать ничего не жаждала так сильно, как добрых вестей о своем ребенке. Но черты Тамар ничего не выражали, она только молча кивнула с закрытыми глазами, словно окаменев. Когда Хульда закончила, Тамар поправила платье и встала.

– Здесь имеется телефон? – спросила Хульда.

Тамар снова кивнула:

– Внизу улицы есть телефон-автомат. Цви позвонит вашей хозяйке, когда придет время. Ваш номер нам дал батюшка Аври.

– Я примчусь, как на пожар, – уверила Хульда, – Не бойтесь. Вы справитесь. *Мы* справимся.

– Пока всякая женщина справлялась, – внезапно прохрипел голос от двери.

Тамар обернулась, и Хульда неожиданно почувствовала, как пальцы молодой женщины на мгновение впились в ее руку и опустились, чтобы разгладить платье, как будто ее уличили в небрежности.

– Фройляйн Хульда, – произнесла она дрожащим голосом, – это моя свекровь.

– Рут Ротман, – представилась женщина, незаметно прокрадываясь в каморку. Она кивнула Хульде, и та отметила на редкость горестное исхудалое лицо. Скулы резко выступали, волосы были заплетены в тугую косу.

– Добрый день, – Хульда протянула руку, но старшая госпожа Ротман не ответила. Вместо этого она скрестила руки на груди и взялась за концы вязаной шали, покрывавшей ее плечи.

Хульда ничуть не смутилась:

– Вы будете присутствовать при родах? – спросила она, чувствуя, как тело Тамар рядом с ней напряглось.

На их счастье, женщина выпалила:

– Конечно нет. Это не мое дело. Ни Тамар, ни этот... *ребенок*... – она выдавила из себя это слово, – меня не касаются. Раз мой бедный сын так слеп, что хочет жить с *шиксой*, я не буду таскать кровавые простыни по квартире.

– Хорошо, – сказала Хульда, заметив в своем голосе холодные нотки, сменившие вежливость. – Я надеюсь, вы сдержите слово.

С этими словами она протиснулась мимо худой женщины, увидев, что она моложе, чем сначала показалась в полумраке. Хульда дала бы ей не больше сорока, однако впалые глаза, пышущие гневом, и глубокие морщины на лбу говорили об обратном. Словно жизнь преждевременно выпила все соки из Рут Ротман и оставила ее увядать.

Хульда обернулась напоследок, обращаясь к Тамар, громко и внятно:

– Не бойтесь. Когда начнутся схватки, позвоните моей хозяйке. Я тут же буду у вас.

Она не могла разглядеть лица молодой женщины, но чувствовала, что ее слова дошли до адресата.

Казалось, страх – тот двигатель, который приводит женщин семьи Ротман в движение, боязнь и глубокая печаль – вот что не отпускало обеих женщин.

Но боязнь чего? Хульда задавалась этим вопросом, пробираясь через толпу на улице Гренадеров. Она догадывалась, что страх Тамар не был обычным страхом первородящей. И, как ни противилась, она чувствовала, что смесь любопытства и заботы о подопечной овладевает ею и, медленно и с тихим жужжанием, приводит в движение маленькие шестеренки в ее мозгу.

4

Понедельник, 22 октября 1923 г.

Безе таяло во рту Феликса как сладкий снег. Он взял еще кусочек, чтобы продлить чудесное покалывание сахарных кристалликов на языке.

Десерт неспроста так называется, рассуждал он, *baiser* означает на французском «поцелуй». Было ощущение, что целуешь любимую, то же покалывание, та же сладкая боль...

Он смущенно проглотил клейкую массу. Наконец виновато пощупал круглый животик, с каждым месяцем, казалось, все больше выпирающий под жилеткой. Ему было противно свое отражение в зеркале, особенно в профиль. Его к тому же ужасно раздражало, что его мысли все время возвращались к ней, к давно забытым временам, что он, вспоминая их с Хульдой поцелуи, до сих пор видел перед собой ее лицо. Так что же это с ним такое, чем он недоволен? Феликс женился на женщине, выглядевшей как кинодива, он богат, в то время как Хульда, одинокая девушка, которая в поте лица зарабатывает себе на жизнь. Он остался в выигрыше, так чего же ему от нее еще нужно?

Ответ на этот вопрос он отлично знал. Но ни за что на свете не признался бы себе в этом.

К сожалению, жена Хелена в последнее время редко использовала свои ангельские губы для поцелуев. Из ее рта в большинстве случаев вылетала брань: Хелена выражала недовольство мужем, называла его ленивым и прожорливым мечтателем, не замечающим знаков времени. Который бездействует, в то время как в городе открываются новые возможности для сильных мужчин, способных взять бразды в свои руки и обновить государство, управляемое тряпками и пособниками евреев и разваливающееся по их вине. «Будь настоящим мужчиной», – постоянно призывала Хелена с таким взглядом, по которому Феликс читал, что его теперешний облик недостаточно тверд и мужественен для нее. Настоящий мужчина позаботился бы о судьбе своей семьи и проявил активность, вместо того чтобы тайно поедать пирожные в подсобке кафе «Винтер».

Последний факт Хелена не могла знать, потому что редко появлялась здесь, на Винтерфельдской площади. Но Феликс, лакомясь любимыми пирожными или тортами, каждый раз опасался, что она пронюхает о в очередной раз проявленной им слабости. Что ее всевидящее око следит за каждым его шагом, замечая все его недостатки, все «дефекты», как она их называла.

Феликс содрогнулся, вновь откусив от стремительно уменьшающегося безе. Но оно потеряло свое успокоительное действие, сделалось вдруг горьким, как мокрый картон.

– Господин Винтер? – раздался из-за стойки голос официантки, чье имя он никак не мог запомнить. – Посетители!

Он торопливо слизнул крошки с уголков губ и провел пальцами по волосам. Густые кудри были единственным, что напоминало ему о юности. О беззаботном времени, когда он был молод и обходился без сладостей. Тогда поцелуи Хульды, настоящие поцелуи, а не сахарно-белковая масса, опьяняли его счастьем на целый день. Когда он был в последний раз счастлив? Уж не вспомнить.

Выйдя к стойке, он заметил человека, которого видел здесь впервые. По какой-то причине тот сразу оказался ему несимпатичен. Тучный, с притворной улыбкой и маленькими глазами, постоянно шныряющими по сторонам, словно искавший в кафе неведомого врага.

– Добрый день, – поздоровался Феликс, подходя к незнакомцу. Собственные переживания, связанные с перееданием сладкого, тут же показалась ему незначительными. Перед ним стоял жирный, по-настоящему жирный тип с одутловатым лицом и огромным брюхом, прикрытым темным пальто.

– Господин Винтер? – лицо незнакомца расплылось в улыбке, приветливой, но явно заученной и фальшивой. – Меня зовут Бернхард Кляйнерт.

Они обменялись рукопожатием.

– Мы можем присесть и поговорить? – начал господин Кляйнерт, указав на один из свободных столиков.

Феликс кивнул и проводил его через зал.

– Чудесное заведение, – причмокнул Кляйнерт, словно откусывая сочный кусок мяса, – действительно чудесное, господин Винтер. Я приятно поражен. Даже больше, заинтересован.

– Заинтересованы?

Они сели. Кляйнерт поставил, кряхтя, свою тяжелую сумку, а Феликс подозвал официантку и распорядился: – Два кофе и ликер.

– Вы не пьете? – спросил мужчина и громогласно рассмеялся, как над хорошей шуткой.

– Я на работе, господин Кляйнерт. – Неприязнь Феликса росла. – Чем я могу быть полезен?

– Я представитель компании «Бринклидж и сыновья К. Т.», – начал Кляйнерт. – Господин Бринклидж вкладывает инвестиции в успешные чистые рестораны подобно вашей.

– Чистые? – в замешательстве переспросил Феликс. – Вы имеете в виду: без всяких грязных сделок в задних комнатах?

Бернхард Кляйнерт захохотал так, что его двойной подбородок затрясся:

– Чистые по духу, господин Винтер, – сказал он. Заказанную рюмку ликера он осушил залпом. – Еще один, красавица, – попросил он, лапая толстой ладонью зад официантки, которая закатила глаза, но промолчала.

Феликс вознамерился дать ей сегодня вечером дополнительных чаевых в качестве компенсации.

– Как это понимать?

– Нас интересуют такие кафе, как ваше, хозяева которых радуют всем сердцем за правое дело. Приличные заведения, а не какие-то еврейские притоны с сифилитиками, вы понимаете, о чем я?

Феликс неуверенно кивнул. Для него не было секретом, что тесть имел похожие взгляды, да и Хелена все чаще заводила подобные разговоры. Он обычно старался пропускать их мимо ушей. Честно говоря, политика мало заботила Феликса. Он вообще не знал, что ему интересно. Странное чувство – ему часто казалось, что, благодаря увеличивающемуся весу, вместе с контурами лица расплываются и контуры его духа.

– Речь идет о крупных суммах. – Кляйнерт прервал мрачные мысли Феликса.

К деньгам он проявлял пылкий интерес: хотя дела шли более-менее хорошо, под влиянием инфляции кафе перестало приносить прибыль. Бизнес день за днем приходит в упадок. Это страшило Феликса. После стольких успешных лет, даже в неурядицах войны умудрившись выбрать верный курс, родители передали это кафе в наследство ему, единственному сыну. И зачем? Чтобы именно он запер навсегда двери заведения? Такое не должно случиться. Феликс любил кафе «Винтер» всем сердцем. Тут был его дом, его смысл жизни.

Каждое утро, наполняя кофейник первой – самой вкусной порцией, протирая мягкой тряпочкой золотистый металл стойки, приводя в порядок сияющие на полке бутылки, поворачивая их этикетками вперед, Феликс ощущал тесную связь со всем, что его окружает. Со стенами, витражами, высокими потолками и элегантной мебелью. С видом на Винтерфельдский рынок, гарантирующий, что минимум раз в день красная фетровая шляпка промелькнет и задержится у киоска Берта...

– Вы говорили *деньги*? – обратился Феликс к Бернхарду Кляйнерту, пригубившему второй ликер.

– Да, уважаемый, деньги. Настоящие деньги, а не это бумажное нечто, которое приходится возить в тачке и на которые все равно ничего не купить. Настоящие инвестиции. – Проговорив это, он принялся за кофе. – Вы сможете заняться ремонтом, расшириться, открыть второй филиал, как насчет бульвара Курфюрстендамм? Только представьте!

– Привлекательная идея, – согласился Феликс. – А какую выгоду вы от этого поимеете, ваш господин Бринклидж и сыновья?

– Доля, – ответил Кляйнерт, закуривая сигару. Он выпустил дым, и густые клубы пеленой окутали Феликса. Чтобы не закашляться, он быстро вынул из кармана жилетки портсигар и, как противоядие, взял в зубы сигарету.

– Сколько?

Тяжело дыша, Кляйнерт достал перьевую ручку и написал число на вынутом из кармана смятом клочке бумаги. Увидев сумму, Феликс ахнул. Его опасения подтверждались.

– Есть ли контракт? – спросил он с нехорошим чувством.

Кляйнерт снова разразился смехом:

– Попридержите коней! Утро вечера мудренее, а я тем временем проинформирую босса о вашем симпатичном заведении. Детали мы обсудим в спокойной обстановке... в задней комнате.

Сыто усмехнувшись, он залил в рот остатки кофе и поднялся. Достав из набитого кожаного портфеля пачки банкнот – номинал уже возрос до триллиона – он аккуратной стопкой сложил их на столе, чтобы оплатить свой счет.

Когда Кляйнерт протянул на прощание руку, Феликсу бросились в глаза две массивные золотые печатки на пальцах. Рукопожатие из-за них оказалось особенно крепким и энергичным – и Феликса настигло тревожное чувство от того, что в эту секунду он связал себя обещанием, не имея точного представления о том, что же именно ему собираются предложить.

Бернхард Кляйнерт тяжелой поступью направился к выходу. Он резко остановился, с любопытством наблюдая за угловым столиком в задней части зала, где доктор Левенштайн читал «Фоссише Цайтунг». Как обычно в это время. Феликс повернул голову и тоже скользнул взглядом по пожилому господину с длинной серебристой бородой и маленькой бархатной шапочкой на затылке.

– Ну а с этим безобразием придется покончить, господин Винтер, – бросил Кляйнерт через плечо. Он снова расхохотался и шутливо погрозил пухлым пальцем. – Господин Бринклидж не приветствует в своих заведениях предателей родины. Вам еще предстоит поучиться. Честь имею!

Только он исчез в сумерках и дверь за ним захлопнулась, как Феликс краем глаза посмотрел на Левенштайна. Феликс многое бы отдал, лишь бы пожилой господин, тридцать лет как завсегдатай кафе «Винтер», ничего не услышал. Впрочем, Левенштайн не подал виду, невозмутимо уставившись в газету сквозь толстые стекла очков. Но Феликсу показалось, что страницы слабо подрагивают.

– Вот скотина, – не удержалась Фрида, много лет проработавшая в кафе: – В следующий раз я плюну ему в шнапс. – Заметив взгляд Феликса, она сменила тон: – Извините, господин Винтер. Но хоть кто-то должен сказать правду. Доктор Левенштайн – неотъемлемая часть этого заведения, хотя ваша дорогая матушка, знаю, тоже не была от него в восторге. – Она надменно развернулась и исчезла на кухне.

Феликс пожал плечами. Было неясно, чего ожидать от визита неприятного Бернхарда Кляйнерта. Отталкивающий человек, как тут не согласиться с Фридой. С другой стороны, никто не выиграет от того, что Феликс из-за ерунды откажется подписывать спасительный контракт. Ведь если дела пойдут под откос, как у многих конкурентов, ему, возможно, даже придется объявить о банкротстве, и тогда Фрида, новая официантка и он сам окажутся на улице. Доктору Левенштайну тоже придется подыскивать новое местечко для чтения газет. Но втайне

Феликс должен был признать, что присутствие почтенного господина в кипе¹⁰, постоянно занимавшего один и тот же дальний столик и никогда не заказывающего более стакана чая и двух сигарет, в последние месяцы ему все чаще мешало. Можно ли позволить себе, чтобы дряхлые старики наслаждались здесь теплом угольной печи, бесплатно читали газеты, не заказывая никакой еды? И не отпугивал ли его вид случайных посетителей, предпочитающих обходить стороной кафе с евреями?

«Может быть, действительно пришло время сменить пластинку в кафе «Винтер», – с тихо подкрадывающимся чувством вины по поводу суровых новшеств подумал Феликс.

Но в первую очередь он предприниматель. Хелене хотелось красиво путешествовать, каждый месяц заказывать у портнихи новое платье или еще лучше, покупать в «Торговом доме Запада». Хотелось выходить в свет на водевиль, даже в оперу. Для всего этого нужны деньги. Деньги, которых у него не водилось, а у таинственного господина Бринклиджа, по всей видимости, было в избытке.

Пожав плечами, Феликс встал за прилавок и отпустил Фриду на перерыв перед вечерней сменой. Он помыл стаканы, налил бокал пива, протер столы. Когда руки заняты делом, лучше думается. Красивое лицо Хелены вновь всплыло перед ним. Что она скажет на это предложение, свалившееся как снег на голову? Вероятно, придет в восторг, подумал он: расширение, рост, прибыль были ей всегда по вкусу. Наконец посмотрит на него снизу вверх, снова увидит в нем прежнего мужчину, за которого вышла замуж. Наконец-то ему больше не придется подлащиваться к ее отцу, успешному предпринимателю Максимилиану Штольцу, уже пообещавшему помочь с деньгами на черный день, но сделавшему это в весьма пренебрежительной форме, а этого Феликс страшился больше всего на свете.

Нет, неправда, с горечью подумал он. Больше всего он боялся разочарованного взгляда Хелены, ее обвинительного тона, возвещающего, что и в этом месяце он не выполнил должным образом свои мужские обязанности. Феликс недоумевал, с какой стати ей вчера после службы понадобилось пускать Хульде пыль в глаза, заставляя поверить, что она в положении. Причин на то не было вовсе.

Буквально неделю назад он застал Хелену плачущей в ванной комнате их великолепной квартиры в Баварском квартале. Она сидела на полу, обхватив колени руками. Про себя он отчужденно отметил, что сантехника в ванной действительно очень элегантна, как и мраморная плитка, которую оплатил отец Хелены.

Феликс попытался ее обнять, но жена оттолкнула его.

– Снова ничего не вышло, – всхлипывала она, устремив на Феликса огромные, мокрые от слез глаза. – Ничего, сколько можно! Ты просто не способен на это!

Феликс сел рядом.

– Почему я? – пролепетал он. – Может быть, дело в тебе.

Дальше разговор не пошел. Хелена накинулась на Феликса, отчаянно работая кулачками и крича:

– Не смей меня обвинять! В моей семье дети выскакивают из женщин, как пробки из бутылок, один здоровее другого. Никто в моем роду никогда не имел таких проблем. Посмотри на меня! Разве я не рожденная мать?

Феликс отвел взгляд. Хелена пленяла красотой даже в минуты страшного гнева, румяная, с нежной кожей и рассыпавшимися от волнения прядями волос. Отчаяние делало ее пылкой и искрометной. Но это ли качество присуще матерям, Феликс сомневался. Ему самому достался гораздо менее красивый экземпляр, к тому же он никогда не чувствовал любовь своей матери Вильгельмины. Ну а вдруг красота окажется преимуществом, и ребенок сможет хотя бы любоваться матерью, даже если она его будет бранить?

¹⁰ Традиционный еврейский мужской головной убор.

Феликс, успокаивая, гладил жену по шелковистым волосам, целовал руки, и наконец она позволила утешить себя. Такие моменты всегда были лучшими в их союзе, тогда Хелена обнаруживала слабость, а Феликсу позволялось быть сильным. Но моменты это, как водится, были коротки. Хелена поднялась, гневно посмотрев на него, и сказала:

– Ты должен обратиться к врачу, Феликс. Может быть, ему удастся тебе помочь, исправить твой дефект, чтобы мы, наконец, стали нормальной немецкой семьей.

С этими словами она оставила его сидеть на сверкающем мраморном полу и гордо удалилась. Рядом с унитазом лежало окровавленное полотенце, и Феликс уставился на него, на алые пятна, думая, что с ним в самом деле что-то не так. И снова он вспомнил Хульду, порвавшую с ним вовремя, не успев обречь себя на жизнь со слабаком...

В это мгновение сквозь спускающиеся сумерки высокая фигура в красной шляпке пронеслась мимо кафе, и сердце Феликса замерло в груди. Не раздумывая, он стремглав выскочил из-за прилавка на улицу. Колокольчик возмущенно затрещивал.

– Хульда?

Услышав свой собственный молящий голос, Феликс еле удержался от того, чтобы дать оплеуху самому себе.

Хульда остановилась, развернулась и подошла к нему. Теперь она стояла в свете фонарей, которые фонарщик один за другим зажигал по всей площади. Воздух был сырым, по-осеннему приятным.

– Добрый вечер, Феликс, – поприветствовала она. – К сожалению, я спешу.

– О, – это все, что смог вымолвить Феликс, и тем не менее снова разозлился на нее. Она всегда отталкивала его, даже когда он просто хотел поболтать. – Куда ты идешь? Вызов к беременной женщине?

– Сегодня уже нет, – ответила она, и только теперь он заметил, что под расстегнутым пальто на ней было элегантное новое платье.

Видимо, почувствовав его взгляд, Хульда, неожиданно смутившись, заговорила:

– Красивое, правда? – Она пощупала ткань. – Такое платье мне самой не по карману, но дочь госпожи Вундерлих оставила его, когда приезжала в последний раз. Она снова забеременела и утверждает, что талию не получится увеличить до такой степени, чтобы когда-нибудь снова в него влезть.

– Ты похудела, – заметил он. – Ты недоедаешь?

– Ерунда на постном масле, – ответила Хульда. Ее лицо скрывала тень. – Ты меня знаешь, я люблю поесть.

Очевидно, она лукавила, подумал Феликс, но почему? Заботы? Болезнь? Непреодолимое желание заключить ее в объятия овладело им.

И тут же пришла мысль о том, что Хульда не ответила, куда направляется. Однако повторить вопрос он не решался.

– Кстати, еще раз поздравляю! – сказала она, чуть коснувшись руки Феликса.

– Спасибо, с чем? – рассеянно спросил он, стараясь запомнить на подольше приятное ощущение от прикосновения.

– Ну, я слышала, ты станешь отцом.

Сердце Феликса колотилось. Перед ним снова возникло лежащее на белом мраморе пропитанное кровью полотенце.

– Ах, это, – сказал он. – Нет, знаешь, Хелена ошиблась. У нее не будет ребенка, не в этот раз. Я... – Его голос оборвался.

Хульда испуганно посмотрела на Феликса. И прежде чем он осознал, что происходит, обвила руками его шею. Гладила его по спине, а он глубоко вдыхал ее запах. Такой любимый и такой незабываемый.

– Соболезную, Феликс.

– Все хорошо, – пробормотал он, уткнувшись в короткие мягкие волосы, выглядывающие из-под фетровой шляпки и щекодавие щеку. И вправду. Все, все было хорошо! Какое ему дело до ребенка Хелены, которого никогда и не было? Все, что имело значение, – это то, что рядом сейчас была Хульда...

Феликс почувствовал холодок. Хульда отпустила его и чуть отступила назад, напряженно всматриваясь куда-то. Он проследил через сумеречную площадь за ее взглядом.

По ту сторону, у выхода к поездам на Ноллендорфской площади, стоял под фонарем человек. Светлые волосы, очки, элегантное пальто. В руке одинокий цветок, завернутый в крепкую бумагу. Лицо недвижно. Он медленно поднял свободную руку.

– Мне пора, – сказала Хульда, ее глаза больше не были прикованы к лицу Феликса: один глаз смотрел чуть мимо, другой – сильно мимо. – Береги себя. Ни пуха ни пера, все образуется.

Его словно ударили. Прощальные слова Хульды были так пусты, так холодны, как будто она желала хорошего дня дальнему знакомому.

И вот ее каблучки зацокали по мостовой, и звук этот быстро удалялся.

Она взяла незнакомца под руку, немного скованно, как показалось Феликсу, но, возможно, от отчаяния он просто принимал желаемое за действительное. Парочка двигалась в сторону вокзала, и он долго провожал ее взглядом, не обращая внимания на холодный осенний ветер, трепавший жилетку.

Затем он снова оглядел площадь. Народу почти не было, большинство сидело со своими семьями за ужином. Только один человек еще был там, всегда был там. Из освещенного киоска напротив черный силуэт Берта, казалось, издевательски помахал ему.

Феликс поспешил вернуться в кафе. Где-то под прилавком должны лежать карамельки.

5

Понедельник, 22 октября 1923 г.

Хульда исподтишка покосилась на Карла, стараясь определить, прекратил ли он дуться на нее. С того момента как он увидел ее с Феликсом перед кафе «Винтер», его настроение, казалось, основательно испортилось. За всю поездку в переполненной электричке они не обменялись ни словом. Теперь они проходили через здание вокзала Фридрихштрассе и их выплонуло на тротуар вместе с сотнями других людей. Проходя мимо мусорной урны, Карл выбросил нежно-розовую астру, которую до сих пор судорожно сжимал в руке.

– Заявляю помидоры, – был его единственный комментарий на этот счет.

Он двинулся дальше, и Хульда, вздохнув, последовала за ним. Она подозревала, что вечер выдастся не из приятных. А ведь она так предвкушала свидание с Карлом! Билеты в театр-ревю при гостинице «Централь» он подарил ей на день рождения, и она знала, что ему пришлось прилично потратиться: хотя зарплата младшего инспектора и была солидной, но никак не роскошной, особенно в нынешней ситуации обесценивания денег. Но Хульда аж засияла, открыв конверт, ее радость перекинулась и на Карла.

Собственные дни рождения не вызывали у нее особого восторга. Хульде исполнилось 28 лет. О боже! Тридцать лет не за горами – возраст, когда женщине полагалось носить на пальце кольцо, водить за руку как минимум двоих детей, по воскресеньям отваривать говядину для семьи и знать свое место в жизни. По крайней мере, госпожа Вундерлих напоминает ей об этом чуть ли не каждый день. Хульде надоели вечные нравоучения и расспросы немолодой квартирной хозяйки, которая выжимала из нее ответы, как из лимона. Выйдет ли она наконец замуж за молодого симпатичного инспектора уголовной полиции Норта? Не хочется ли ей дома – не одинокой мансарды, а собственного дома, с ключом от кладовки и к сердцу любимого мужа? А сладкого лепета славеньких детишек?

Хульда не знала. Она с трудом узнавала себя в таком сценарии. Всякий раз, когда она это себе представляла, женщина, которая, напевая, опрыскивала душистой водой и гладила рубашки Карла или склонялась с иглой во рту над штопкой для сорванцов, выглядела совсем не так, как она. У женщины было нежное лицо и терпеливая улыбка. Женщина, подающая вечером тапочки вернувшемуся с работы мужу, не ликовала от телефонного звонка посреди ночи, предвещавшего предстоящие роды. От авантюры из крови, слез, пота, страха и надежды. Ей не хотелось под утро протянуть матери кричащий сверток, осознавая, что работа выполнена. Для той женщины подобное не было смыслом жизни.

Женщина с мягкой улыбкой, которую Хульда видела в своем воображении, пугала ее. Это была одомашненная Хульда, растерявшая пыл, гордость и независимость. Нет, замужество – последнее, что ей нужно.

Она снова взглянула на Карла, с обиженным лицом шагавшего рядом. Он держал ее под руку, но так нерешительно, как будто это она должна была поддерживать его. Хульду охватила злость. Почему он при каждом их свидании разыгрывал драму? К счастью, ей не придется беспокоиться, что он скоро встанет перед ней на колени, умоляя взять в мужья. Он нередко не являлся на свидания, постоянно опаздывал и, как бы ей ни хотелось себе в этом признаваться, от него временами предательски пахло джином. Госпожа Вундерлих плохо его знала и потому нахваливала своей жилище в восторженных красках как кандидата в мужья. Но Хульде было виднее. Карл не был опорой и надежным спутником по жизни.

Но он ей ужасно нравился!

Всякий раз, когда ее размышления спотыкались об этот пункт, она видела перед собой его красивое лицо с грустными глазами за заляпанными стеклами очков с неизменной трещи-

ной, светлые волосы, которых так приятно было касаться пальцами, и тогда внутри нее все таяло. Как в безвкусном фильме, где влюбленные под конец признаются друг другу в чувствах, вопреки ожиданиям и здравому смыслу. Нечто подобное она недавно смотрела в «Моцарт-зале» на Ноллендорфской площади: привлекательная леди в финале падает в объятия шейха, которого сыграл божественный Рудольфо Валентино. Конечно, Хульда иногда была не прочь посмотреть такое, сопереживая героине и испытывая радость, когда в финале все оказывалось хорошо. Но в реальной жизни полностью отдаваться своим чувствам было опасно. Поработав акушеркой, повидав многое, и особенно результаты такой вот пылкой любви, она знала: ничто не было так непостоянно, как чувства, в особенности мужские, ничто не было так мимолетно, так обманчиво, как любовь.

– Ты такая задумчивая, – прервал Карл ее мысли, и Хульда вздрогнула. Заметил ли он, что она втайне размышляет о браке, детях, нескончаемой любви?

Она поспешно закусила губы и заодно рассмеялась.

– Я просто подумала, что нам стоит поторопиться, если мы еще хотим попасть вовремя.

Она указала на множество людей, идущих потоком по ярко освещенному проспекту. Все женщины одеты по последней моде: короткие шелковые платья, шубки, изящные остроносые туфли, дорогие чулки. Джентльмены сопровождали своих дам все как один в темных костюмах и элегантных шляпах. Вчера еще Хульда была в Берлине бедных и нищих, а теперь среди тех, кому, несмотря на инфляцию, проклятую войну и тягостное бремя Версальского договора, удалось урвать у жизни немного мишуры. «Какова моя роль в этой игре?» – невольно задавалась она вопросом. Она не была выходцем из низов, но и не принадлежала к числу победителей. Застряла, как всегда, где-то посередине, на полпути в гору, и это вдруг показалось ей олицетворением всего ее существования.

Карл ускорил шаг, взял ее, наконец, энергичнее под руку и потащил сквозь толпу. Все, кому позволяли средства, стремились попасть в городские храмы удовольствий, словно не существовало ни кризиса, ни инфляции, ни бряцания оружием в Рурской области. Что толку постоянно хандрить? И они с Карлом, думала, взяв себя в руки, Хульда, будут веселиться сегодня вечером, чего бы им это ни стоило.

Перед ними возвышалась гостиница «Централь», похожая на огромный корабль класса люкс, с круглыми смотровыми башнями по углам и ярко освещенными окнами, сотнями окон, свет которых мерцал в темном городе. Своим видом она обещала прохожим невиданные доселе развлечения, изысканные блюда и напитки, редчайших артистов, выступающих здесь сегодня вечером, чтобы довести до экстаза благосклонную публику. Большой плакат висел у входа в «Зимний сад» – так по-простому назывался театр-варьете при отеле, поскольку он на самом деле находился в стеклянном салоне, о чем Хульда знала понаслышке. Она никогда не бывала внутри, цены были ей не по карману.

Она вознесла короткую благодарственную молитву Урсуле Вундерлих, дочери своей хозяйки, чья полнота одарила ее, Хульду, платьем, которое сегодня было на ней и в котором она не слишком выделялась на фоне женской публики в зале.

– Итак, добро пожаловать в тепло, – подчеркнуто бодро обратилась она к Карлу и направилась ко входу, перед которым уже выстроилась небольшая очередь.

Швейцар с отчаянным видом поднял руки, как при ограблении.

– Господа, проявите понимание, все билеты проданы, все до единого.

– Должно же быть что-то для гостей, готовых заплатить, – вскричал элегантный господин с сильно накрашенной спутницей, размахивая пачкой банкнот, имевших, как успела заметить Хульда, номинал, который Берт уже показывал ей вчера.

– Ничего не могу поделать, уважаемый, даже мышь не проскочит.

– Можете! Вот еще две мышки, – крикнула Хульда и, увлекая за собой Карла, шагнула к швейцару. – У нас есть билеты, вот они, мы просто припозднились.

– И то правда. И вы так спокойно об этом говорите, фройляйн, – неодобрительно сказал швейцар.

Он приблизил билеты к своему моноклю и оторвал уголок.

– Поторопитесь, представление начнется с минуты на минуту.

Под шипение и ворчание оставшихся Хульда с Карлом прошли в зрительный зал. Хульда втянула носом воздух и огляделась. Все было великолепнее, чем она себе представляла. Слева и справа зал украшали колонны, по стенам висели драгоценные гобелены, создававшие уют. Тяжелый бархатный занавес пока скрывал сцену от зрителей, которые, перешептываясь и смеясь, уже ожидали в удобных креслах. Хульда продолжала осматриваться. Между колоннами стояли столы с рядами тонкостенных бокалов, готовых к наполнению шампанским. Повсюду стояли горшки с пышными растениями, некоторые растения даже свисали с потолка, отчего Хульде стало понятно, почему варьете называется «Зимний сад».

– Сюда, пожалуйста, – прошептал капельдинер, проведя Хульду и Карла вдоль рядов к указанным в билетах местам. – Я сейчас принесу вам напитки.

Только Хульда и Карл уселись, как погас свет, и весь зрительный зал хором ахнул. Теперь стал виден потолок синего цвета, сияющий бесчисленными маленькими лампочками. Он был похож на звездное небо, которое в Берлине никогда не увидишь из-за слепящей неоновой рекламы. Но здесь, в варьете «Зимний сад», небо простиралось у них головами и это было прекрасно.

Хульда нащупала руку Карла, и он нежно сжал ее пальцы. По спине Хульды пробежали мурашки, и она прильнула к Карлу. Настал, отметила Хульда, тот редкий момент, когда они понимали друг друга без слов, и не было причин для споров. Она ценила эти мгновения, и в это время становилась очень счастливой. Но все остальные часы, дни, недели, которые она жила одна, без Карла, – какими сейчас они казались тягостными и бессмысленными! А Карл? Она даже не знает, над чем он сейчас работает, и решила непременно расспросить об этом после представления.

Оркестр заиграл туш, и открылся занавес. Хульда бросила беглый взгляд в программку, которую всунул ей в руки капельдинер. Братья Райт выскочили на сцену, исполняя акробатический номер, от которого у Хульды, еще в детстве боявшейся карусели, закружилась голова.

За ними выступала томноголосая певица в длинном боа из перьев, на вкус Хульды – слишком много дыма и слишком мало музыки. Но публика бушевала от восторга, особенно когда мадемуазель Коко, как ее звали в программке, раздавала воздушные поцелуи, открывая первым рядам обзор на глубины своего декольте.

Вскоре ее сменил юморист, рассказывая анекдоты, для которых Хульда выпила слишком мало шампанского, – она все еще потягивала первый бокал. Карл сидел рядом в чопорной позе, что вызвало у Хульды улыбку. Утонченному инспектору криминальной полиции Норту такое было не по вкусу. Это более подходило его полноватому помощнику Паулю Фабрициусу, который всегда был рад дешевому, пьяному веселью. Особенно бы ему понравились девушки в откровенных нарядах, задирающие на сцене ноги в скандально коротких юбках.

Они в свою очередь уступили сцену балетному дуэту, за которым было очень приятно наблюдать. Прыжки и пируэты сопровождались такой трогательной музыкой, что у Хульды на глаза навернулись слезы. Она искренне аплодировала. Французский вокальный квартет, выступавший в заключительной части, ей тоже понравился. Какой красивый язык, думала она, до чего прекрасна Франция! А ведь всего несколько лет назад, в мировую войну, французские и немецкие солдаты истребляли друг друга на фронте. И теперь они сидят здесь, пьют шампанское под искусственным звездным небом и весело празднуют, словно горя и страданий никогда и не бывало. Как это здорово!

Внезапно Хульде вспомнилась улица Гренадеров, тесная квартира Ротманов и страх на лицах живущих в ней женщин. Этот зал с его музыкой, поющими и рыдающими скрипками,

сверкающими стенами и ножками в шелковых чулках казался другой планетой. Хульда подумала, что могла бы сейчас встать, покинуть театр, пройти по темным улицам до квартала Шойненфиртель (дорога займет менее получаса), но эти два мира никогда не пересекутся.

– Ты совсем не хлопаешь, – обратился к ней Карл, когда закончился последний номер, и Хульда очнулась от своих мыслей под гром аплодисментов. – Тебе не понравилось?

Хульда уловила в его голосе беспокойство и втайне порадовалась, что Карлу, судя по всему, хочется, чтобы ей непременно было хорошо.

– Что ты, очень! – промолвила она, но то была лишь полуправда. Отдельные номера показались ей действительно красивыми, но некоторые – откровенно банальными.

Однако Хульда промолчала. Она быстро допила шампанское, и Карл помог ей надеть пальто. Хульда чмокнула Карла, упираясь носом в очки, но он крепко обнял и притянул ее к себе, отвечая поцелуем, на этот раз долгим. Только когда грузная дама, сидевшая по другую руку от Карла, громко прокашлялась, с неодобрительным взглядом протискиваясь мимо них, Карл отпустил Хульду.

Едва дыша, она предложила:

– Может, пойдем поужинаем?

– Тогда давай в «Биркирхен».

Хульда кивнула. Вдоль улицы Георгенштрассе, под кирпичными вокзальными арками располагались огромные пивные павильоны, названия которых часто менялись вместе со сменой хозяев. А поскольку самый большой из них до войны носил название «Францисканер», как марка пива, берлинцы привыкли звать все заведения здесь «Биркирхен¹¹». Помимо пива и шнапса, текущих там ручьем, в этих стенах боготворили хорошую домашнюю кухню – котлеты с горчицей, сосиски с капустой, бутерброды с салом.

Именно такой реальности жаждала Хульда после развлекательных номеров в «Зимнем саду». Ей нужно было спуститься на землю.

И наполнить желудок.

Под сводами пивной царило настоящее столпотворение. Здесь толкался народ, никогда не бывавший в гостинице «Централь». Рабочие в широких штанах, работницы фабрик, телефонистки, попадались и нищенствующие художники, и мрачные типы, явившиеся сюда, по всей вероятности, из самого сердца берлинского преступного мира, чтобы забыться за кружкой пива.

Карл нашел свободный столик, втиснутый меж других так плотно, что посетители то и дело задевали друг друга локтями, но Хульду это не смущало. Она вспомнила одну из первых встреч с Карлом, в ресторане «Ашингер» на Александерплац, где тоже царил суматоха. В тесноте они впервые прикоснулись друг к другу...

Вот и сейчас она сдвинула стулья так, чтобы сидеть совсем близко к Карлу, а не друг напротив друга, как в исповедальне (хотя, конечно, она ни разу там не была).

– Я принесу что-нибудь перекусить, – вызвалась она и снова вскочила, затем, расчистив локтями путь к стойке, заказала тарелку бутербродов и два светлых пива. Здесь никому не приходилось долго ждать: в этот час повара на кухне намазывали бутерброды, как на конвейере. Хульда быстро расплатилась, пробалансировала с заказом на свое место и села, довольно вытянув под столом ноги.

Карл насмешливо улыбнулся, глядя на нее.

– Признайся, варьете пришлось тебе не по вкусу.

– Ты прав. И правда, не все номера были высший класс, да? – Хульда откусила бутерброд и запила его холодным пивом.

¹¹ «Биркирхен» – (дословно) пивная церковь; в названии пива упоминается монах-францисканец.

Давно она не была так голодна и не ела с таким удовольствием, как сейчас. В последнее время у нее вообще не было аппетита, порой Хульда через силу заставляла себя поесть. Возможно, это было связано с постоянной нехваткой времени и отсутствием регулярного распорядка дня. Она всегда была наготове, носилась по городу или часами просиживала в чужих квартирах, подбадривая стонущих во время родов женщин...

Подумав об этом, Хульда вспомнила о Тамар Ротман, которая теперь даже не могла с ней связаться. Хотя Хульда сообщила госпожа Вундерлих, где примерно ее найти, если поступит сигнал по поводу роженицы Ротман, достаточно быстро оповестить ее не смогут. Так что ближайшие вечера она была намерена провести дома.

– А что тебе по вкусу? – спросил жующий Карл.

В этом вопросе Хульде послышался упрек.

– Не имею понятия, Карл, – призналась она. – Ты знаешь, я так редко выхожу в свет, разве что в кино. Я сто лет не бывала на концертах и не посещала выставок. – Она посмотрела на него. – Ты считаешь меня невеждой?

– Да, – сказал Карл, но Хульда увидела, что его глаза смеются. – Но ты как-никак *моя* невежда.

Ну ладно, с натяжкой такое можно позволить, решила Хульда, хотя собственническое слово «моя» резануло ей слух.

– А твой отец, кажется, художник? Разве он не устраивает выставок? – спросил Карл, и сердце Хульды сжалось. Она неохотно вспоминала отца, который бросил ее с матерью, когда она была еще совсем ребенком. Мать так и не оправилась от этого удара. Спустя годы она скончалась от передозировки обезболивающего средства, дозу которого рассчитали неправильно, но Хульда и по сей день не верила в несчастный случай.

– Да, – сказала она, – он везде выставляет свои картины: у Гурлита, в Академии, в Национальной галерее – я должна просто собраться и сходить все это посмотреть, ты прав. Но между нами не все так просто.

– А по-другому и быть не может, – кольнул Карл, – особенно когда речь идет о тебе, Хульда Гольд.

– Спасибо за комплимент, – вот теперь Хульда обиделась, – взаимно!

Они посмотрели друг на друга, и Хульда долю секунды была уверена, что сейчас разгорится ссора, одна из тех, какие часто возникали между ними, на пустом месте, с обидными укорами и болезненными колкостями. Как бы они ни любили друг друга, им не хватало взаимного доверия. Они не могли поверить, что желают друг другу лишь добра, и выискивали слабые места собеседника, чтобы сделать ему как можно больнее – и защитить таким образом себя.

Однако Карл рассмеялся, и напряженность пропала.

От его смеха Хульде всегда становилось очень хорошо, и ей казалось, что весь мир смеялся вместе с ним. Когда же Карл мрачнел, то мрачнел и весь мир вокруг Хульды.

– Задира, – сказал Карл, беря второй бутерброд. Это прозвучало ласково, и Хульда, сделав глубокий вдох и успокоившись, тоже взяла и съела еще один бутерброд. Затем она вспомнила, что хотела спросить о работе.

– Что там с «Красной крепостью»¹²?

– Пока стоит, – коротко бросил Карл.

– Над чем ты сейчас работаешь? Я тебя почти не вижу.

Его глаза потемнели:

– Ты знаешь, что мне запрещено об этом говорить.

– Да-да, без подробностей, но в общих чертах? Убийство? Ограбление? Организованная преступность?

¹² Так в описываемое время называлось место работы Карла – берлинское управление полиции.

Он нахмурился и уставился на столешницу:

– К сожалению, нам мало что известно. В этом деле мы всё еще находимся в полном неведении. Фабрициус конечно же считает, что давно нашел нить Ариадны, ведущую к разгадке: он мнит себя гениальным сыщиком. Но на этот раз он ошибается.

– Но ведь Пауль Фабрициус такой талантливый сыщик, ты и сам это признаешь, не так ли? – вступилась Хульда за ассистента Карла.

Карл поднял глаза. Но Хульда не смогла прочесть выражение его лица.

– Да, черт возьми, конечно. Но он не волшебник. Выводы делать рано. Результатов-то пока никаких. Мы совсем запутались. Похоже, какая-то преступная группировка раскинула щупальца по всему городу. – Он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Все эти дети... – Он замолчал. – Больше я ничего не могу тебе сказать, Хульда, прости. – Его лицо было бледным.

Хульда поджала губы. Ей не терпелось напомнить, что именно она прошлым летом раскрыла запутаннейшее дело, которое он вел. Но промолчала, следуя совету своей хозяйки не слишком-то откровенничать.

Затем ей пришла в голову мысль.

– По всему городу, говоришь? И в Шойненфиртеле тоже?

– Почему ты спрашиваешь? – удивился Карл.

– Просто так, я недавно там была. О, это совершенно другой мир.

– Что правда, то правда, – кивнул Карл. – Нас иногда вызывают туда, ведь префектура полиции находится по соседству. Но зачастую вызывают не из-за уголовников, а из-за мелких жуликов. Драки, поножовщина, мошенничество, скупка краденого – ну и тамошние нравы играют не последнюю роль.

– Почему?

Карл удивленно вскинул брови:

– Потому что это гнездо проституции.

– Как и Шёнеберг.

– Ты права. Но в Шёнеберге мы хорошо ориентируемся, нам легче вести наблюдение, мы знаем сутенеров. А в Шойненфиртеле все куда более запутанно, это просто какой-то непроходимый лабиринт.

Вчера, пробираясь узкими улочками по этому кварталу, Хульда думала точно так же. Заблудиться в этих темных и узких переулках можно было как в джунглях. Это снова напомнило Хульде о Тамар. Молодая женщина производила впечатление потерянной, одинокой, по странной прихоти судьбы заброшенной в место, не имевшее к ней никакого отношения. Не потому ли она взяла себе новое имя, еврейское, будучи, по ее собственным словам, родом из Армении, а не еврейкой?

– Среди ваших случаев в квартале часто встречаются семейные дела?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ссоры в семьях, ревность и тому подобное.

Карл кивнул:

– Конечно. Семьи всегда являются очагом раздоров и зависти, давних междоусобиц. Особенно в районах, где соприкасается множество различных культур. И большинство убийств происходит между родственниками. По статистике такие преступления уже давно стоят на первом месте. А почему ты спросила?

– У меня там сейчас клиентка, на улице Гренадеров, – сказала Хульда. – В семье что-то неладное. Я чувствую, что женщина чего-то очень боится. Но чего именно?

Некоторое время они молчали. В зале стало еще более шумно, было жарко и душно, пахло пивом, сигаретным дымом и жирной пищей. Хульде внезапно захотелось домой, спать.

– Мне нужно идти, – сказала она, – вдруг мне позвонят. А госпожа Вундерлих, наверное, уже беспокоится.

Карл тут же поднялся, надел куртку и помог своей даме надеть пальто.

Они вышли на темную улицу. Какие-то пьяные парни вдалеке драли глотки, распевая марш, какая-то женщина весело визжала. Ночной поезд прогрохотал по виадуку над их головами, сотрясая мостовую.

Притянув к себе возлюбленную, Карл прошептал ей в волосы:

– Тебе не обязательно возвращаться домой каждую ночь. Неужели госпожа Вундерлих, если не обнаружит тебя, побежит давать объявление о розыске?

– Скорее всего, – уклончиво ответила Хульда, высвобождаясь из его объятий. – Карл, я ужасно устала.

В свете газового фонаря она увидела его разочарованное лицо. Хульда осознавала, что, отталкивая, испытывает его терпение. Те несколько раз, когда она, уступив, оказывалась с Карлом в его темной холостяцкой комнатухе в районе Луизенштадт, были восхитительны. Она наслаждалась близостью – Карл был нежным любовником. О рисках такой близости Хульда, конечно, знала, как никто другой. Каждодневно она видела результаты глупости, необузданной страсти, видела бедственное положение, в которое по неосторожности попадали незамужние женщины. Платить за это такую непомерно высокую цену она не была готова. Даже ради Карла.

– Это как-то связано с твоим бывшим? – спросил он сдавленным голосом, укоризненно глядя на Хульду сквозь очки. – С тем Феликсом, с которым ты постоянно общаешься?

– Я постоянно общаюсь с Феликсом? – Хульда рассмеялась. – Карл, это чушь! Он женат. Мы соседи, соседям свойственно общаться при встрече. Не более!

– Я уверен, что он так не считает, – сказал Карл. – Я видел, как он преданно смотрит тебе вслед. И глаза у него при этом такие грустные-грустные.

Это было уже чересчур.

– Боже мой, мы не малые дети, Карл, – возмутилась Хульда, скрестив на груди руки. – Прекрати говорить глупости.

Карл пристально посмотрел на нее, затем произнес:

– Уже поздно.

И зашагал к вокзалу. Хульда осталась стоять. Карл не выдержал, обернулся и произнес:

– Ты идешь? Я доеду с тобой до Потсдамской площади, а дальше ты поедешь одна. Ты ведь этого хочешь. Быть одной.

Хульда приготовилась что-то сказать в ответ, но Карл уже отвернулся. Она пожала плечами и направилась вслед за ним в тускло освещенное здание вокзала.

Они стояли рядом, когда прибыл поезд, и вместе заскочили в вагон. Их плечи соприкасались при каждом толчке вагона, так близко они стояли.

В ярком свете потолочных ламп сурово белели лица других пассажиров, с глубокими тенями под глазами после долгого вечера, большинство устало молчало. Карл и Хульда тоже молчали, прислонившись друг к другу в качающемся вагоне. Хульда чувствовала сожаление от того, что снова разочаровала его, что не смогла отпереть для него маленькую дверцу к сокровенному. Но вот не смогла. Даже если бы захотела.

6

Вторник, 23 октября 1923 г.

– Кофе? – предложил Фабрициус.

Карл с несвойственной ему благодарностью потянулся к стаканчику, который протянул ему молодой помощник. Тот заранее припас целый термос. Его лысина лоснилась, хотя день выдался прохладный.

Они мерзли на одной из улиц округа Темпельхоф. День только начинался. Карл наблюдал за коллегами-криминалистами, которые оцепляли территорию заброшенного сахарного завода, чтобы туда не проникли зеваки. Двое его коллег из комиссии по расследованию убийств, обычные сотрудники уголовного розыска, стояли в отдалении – курили, поглядывали на Карла с Фабрициусом, переступали с ноги на ногу и хлопали себя по плечам, чтобы согреться.

Карл наскоро глотнул адски горячего пойла из протянутого Паулем стаканчика, тут же обжег язык, выругался и вылил жижу в покрытые инеем кусты, проигнорировав обиженное выражение лица своего коллеги, и хлопнул его по плечу.

– Пойдемте, Феликс, – сказал он, – пора заканчивать.

– После вас, – тотчас отозвался молодой человек. Его настроение не испортил ни вылитый кофе, ни морозное осеннее утро, когда на рассвете им пришлось прибыть по наводке, сулившей что угодно, кроме приятной находки.

В полицию позвонила пожилая дама. Сегодня на рассвете ее шнауцер сбежал на этот заброшенный участок. Отыскивая паршивца, она тоже пробралась туда – и почувствовала странный запах. Казалось, он исходил из грузовика, припаркованного на стоянке. Дама заявила, что не осмелилась заглянуть под тент, натянутый на его каркас, но увидела руку, торчавшую из-под него. Детскую руку.

И вот теперь именно эту даму вел к Карлу сотрудник уголовного розыска.

Карл откашлялся и разгладил пальто. Он чувствовал себя довольно скверно. В обожженном рту остался кислый привкус пойла из термоса Фабрициуса, и ему хотелось сейчас только одного – забраться обратно в свою постель, натянув одеяло на голову. Сухое прощание с Хульдой прошлой ночью пробрало его до костей, как и полбутылки джина, которую он впоследствии выпил в одиночестве своей съемной комнаты, чтобы притупить воспоминание об ее отказе.

– Доброе утро, – хриловато поздоровался Карл, пожимая старушке руку.

Свидетельница была одета в поношенную лисью шубу и крепко сжимала поводок своей теперь уже пойманной шавки. Собака угрюмо обнюхала брюки Карла, а затем с недоверием повернула голову в сторону лабрадора-ищейки, которого удерживал за ошейник сотрудник криминалистического отдела. Лабрадор Вальдемар вырывался, да и шнауцер свидетельницы, казалось, тоже испытывал немалое желание вырваться на свободу и показать пример этому кобелю.

– Сидеть! Кнопик, сидеть! – прикрикнула дама, на удивление сильно ударив собаку миниатюрной рукой. – Плохой пес! – Она подняла голову, грустная гримаса омрачила ее круглое лицо. – Хотя мой Кнопик на самом деле заслуживает похвалы. В конце концов, это его заслуга, что вы нашли ту машину. – Она кивнула в сторону завода, и в ее голубых глазах выступили слезы. – Все это так ужасно, – прошептала она.

– Расскажите мне подробно, что произошло, – начал Карл.

Свидетельница зарыдала в голос. Карл замер. И прежде чем он смог продолжить допрос, Фабрициус втиснулся между ними.левой рукой в кожаной перчатке он бережно погладил старушку по плечу, Вытащил из кармана пальто аккуратно сложенный носовой платок с кружевными краями и обратился к даме (по мнению Карла, излишне любезно):

– Возьмите, пожалуйста...

Женщине, по-видимому, такой тон пришелся по душе, она всхлипнула и приняла платок.

– Как мило, молодой человек. Я вам очень признательна, поблагодарила она, осторожно промокая слезы салфеткой, словно щеки были из хрупкого фарфора.

– Он достался мне от моей дорогой бабушки, – сообщил Фабрициус и, наклонившись к рычащему Кнопiku, погладил его по лохматой шерсти и засюсюкал: – Какой красавец! – И прекрасно ухожен. Вы по праву можете им гордиться, уважаемая госпожа...

– Примель, – представилась старушка, переменившись в лице.

Карл заметил, что ассистент из осторожности прикусил язык, но Фабрициус мгновенно снова вошел в роль.

– Надо же, как вовремя! – воскликнул он. – Госпожа Примель, вы действительно посланы нам свыше. Я уже давно охочусь за преступной бандой, совершающей убийства в Берлине, я преследовал этих бандитов по пятам, но благодаря вашей утренней находке я еще быстрее схвачу этих головорезов.

Госпожа Примель покраснела и смущенно отмахнулась.

Карл заметил в ее глазах восхищение. Фабрициус покорила свидетельницу. Но Карла взяла досада – из слов его подчиненного выходило, что успехи в недавно проведенном расследовании были исключительно его заслугой.

– Значит, дело было так, – начала госпожа Примель голосом, полным гордости от той роли, которую она играла в этой полицейской драме. – У моего Кнопика слабый мочевой пузырь, и поэтому я всегда рано вывожу его на прогулку. С тех пор, как умер мой муж... – в этом месте Фабрициус положил руку на сердце и скорбно склонил голову, – ... я совсем одна. У меня все равно плохой сон, вот мы и мы гуляем в такую рань. Чудесно гулять, когда город еще спит и вокруг тишина. И знаете, с собакой не страшно: Кнопик меня всегда защитит. Преданный пес. – Дама с любовью посмотрела на собаку, которая рычала и рвалась с поводка, пытаясь произвести впечатление на незнакомого лабрадора. – Но, э-э...

– Но сегодня произошло нечто особенное, – пришел на выручку Фабрициус, и Карлу пришлось нехотя признать, что коллега вновь проявил талант направлять разговор в нужное русло, не загоняя при этом собеседника в угол.

– Кнопик вырвался! – гаркнула госпожа Примель, то ли от волнения, то ли от нахлынувших воспоминаний переходя на визг. – Он побежал, как очумелый, за ворота. Они были открыты. Я думала, он почуял лису или зайца, и кинулась за ним. И вижу: он встал у грузовика. – Женщина снова махнула рукой. – Он скулил и визжал, и тут я заметила...

– Что? – спросил Фабрициус, затаив дыхание, словно внимательно слушая ее повествование.

– Запах, – ответила дама, содрогнувшись. – Слабый, но я его все равно почуяла. Пахло разложением, смертью. Мне такое знакомо, мои родители имели похоронное бюро. «Хундт и сыновья», может быть, вы слышали?

Фабрициус печально покачал головой, а Карл вспомнил рекламный щит, который ему раньше иногда попадался на глаза.

– Во всяком случае я приблизилась, хотя мне уже стало тревожно, и тут я увидела руку. Такая маленькая ручка, похожая на детскую, торчала оттуда. – старушка побледнела. – Безжизненная, понимаете? Недолго думая, я схватила Кнопика и взяла его на поводок. Потом побежала во всю мочь к телефонной будке в конце улицы. И вот вы здесь.

Она снова утерала платком слезы, перевела взгляд с Фабрициуса на Карла.

– Вы уже знаете, что там произошло?

Фабрициус отрицательно покачал головой:

– Мы сначала хотели поговорить с вами, поскольку это очень важно для получения информации. И только теперь можем приступить к дальнейшим действиям... – Он приблизил

свое лицо к лицу старушки и пристально посмотрел ей в глаза: – Еще один важный вопрос: вы кого-нибудь видели? Живого. Или слышали что-нибудь подозрительное?

Госпожа Примель помотала головой:

– Не сегодня.

– Не сегодня? – с удивлением переспросил Фабрициус.

– Пару дней назад, кажется, в ночь с субботы на воскресенье, я что-то слышала. И Кнопик тоже. Детский крик, – госпожа Примель снова посмотрела на кобеля, словно ожидая, что тот подтвердит ее показания, но он лишь поднял лапу и помочился на водосточную решетку, вынуждая Карла с отвращением отступить на шаг. – В этом нет ничего необычного: у нас тут порой бывает очень шумно. Но не ночью. А ночью – это уже было что-то новенькое. Мне помнится, я распахнула окно и мне показалось, что крики исходят от старого завода. Но очень быстро все стихло, и я толком ничего не поняла. – Старушка закрыла глаза.

– Понимаю, – проговорил Фабрициус, отступив от нее. – Вы нам очень помогли, госпожа Примель. Сейчас вам надо пойти домой отдохнуть. Оставьте, пожалуйста, коллеге ваш адрес. – С этими словами он указал на Карла – которого не на шутку задело понижение в секретари. Однако Карл промолчал и торопливо записал адрес свидетельницы в записную книжку.

Госпожа Примель хлюпнула носом и протянула Фабрициусу платок. Тот, улыбнувшись, покачал головой.

– Я буду польщен, если вы его оставите у себя, – сказал он.

Расплывшись в улыбке, пожилая дама поклонилась обоим на прощание. Затем потянула Кнопика за поводок и, удаляясь, проворковала, обращаясь к шнауцеру:

– Какой обходительный молодой человек, не правда ли?

Фабрициус, ожидая похвалы, посмотрел на Карла, но у того совсем не было желания хлопнуть по плечу своего бойкого молодого ассистента, чтобы тем самым потешить его самолюбие. Он молча переключил внимание на завод, где у ограждения уже собралась горстка любопытных, пытающихся что-то разглядеть.

Коллега из криминального отдела приподнял ленту, запуская полицейских на территорию.

А затем был осмотр трупов. Карлу следовало бы уже давно привыкнуть к ним, столько мертвых тел повидал Карл за время своей работы. Но все же каждый раз его желудок протестовал.

Сейчас же запах пока что не был резким, лишь слегка сладковатым, но это был несомненно запах мертвых тел. Карл поборол желание сбежать отсюда прочь.

Грузовик стоял посреди двора, преступники даже не попытались отъехать в сторону и спрятать его в тени развалин кирпичного здания. Коллега приподнял тент руками в перчатках, и Карл с Фабрициусом шагнули ближе. Зрелище оказалось похуже, чем Карл ожидал, тем не менее он заставил себя смотреть на мертвые маленькие тела, сложенные штабелями на платформе кузова. Он разглядывал, насколько хватало сил, пытался запечатлеть в памяти как можно больше деталей, затем отошел в сторону. Фабрициус подозвал фотографа, моментально подскочившего и начавшего щелкать камерой, сохраняя для вечности и архива.

Карл засунул руки глубже в карманы пальто. Записав тип транспортного средства и цвет машины, он отправился бесцельно расхаживать по пустому двору. Судя по всему, на месте преступления были только трупы детей от пяти лет и до подросткового возраста. К сожалению, это были не первые мертвые дети, попавшиеся им за последние недели, и эта находка подтверждала общую гипотезу: в Берлине орудовала банда похитителей детей, ворую или покупая их, чтобы затем продать тому, кто больше заплатит. Часто в качестве рабской силы. Иногда в этой схеме что-то шло не по плану, ребенок умирал на трудной и опасной работе, к которой его принуждали, или избивался до смерти при попытке к бегству. Но здесь дело достигло неви-

данных масштабов. Здесь было настоящее кладбище, массовая могила... Голова Карла гудела от раздумий, но версии по поводу того, кто же способен на такое, не возникало.

Он неизбежно вспомнил Хульду с ее расспросами о работе. Но с ней о таком говорить нельзя. Дети являлись, как он предполагал, болезненной темой для нее, да и для него тоже, потому что вид замученного ребенка пробуждал в нем воспоминания. Он знал, каково это – вырасти без любви, быть беспомощным существом без надежды на защиту. Ведь сам Карл воспитывался в приюте, и там над ним тоже издевались – физически и морально. Он никогда не забудет чувство беспомощности, когда собственная смерть кажется спасением, потому что тогда всем печалям и страхам придет конец.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Он выжил, научился извлекать из жизни хорошее. Но тем бедным детям, чьи тела лежали сейчас в грузовике, такого шанса уже не представится никогда...

Карл проглотил комок в горле и потер кулаком голову, чтобы унять нарастающую боль. Оглядевшись и удостоверившись, что никто за ним не наблюдает, он вытащил из кармана фляжку, с которой в последнее время не расставался, торопливо открыл крышку и сделал большой глоток. Карл снова и снова прикладывался к фляжке, пока она не опустела. И только тогда закрутил ее и аккуратно спрятал за пазуху.

Приятное тепло наполнило его. Со смешанным чувством облегчения и вины Карл прислонился лбом к кирпичной стене и глубоко вздохнул.

– Ваше здоровье, – внезапно раздался за спиной голос Фабрициуса.

Карл повернулся, ощущая дрожь в руках. «Вот дьяволенок!» – подумал Карл. Неуверенной поступью, потому что алкоголь на голодный желудок сделал его ноги ватными, он приблизился к Фабрициусу, отчаянно выдумывая себе оправдание – как-никак он, ответственный инспектор в деле о серийном убийстве, находится при исполнении служебных обязанностей. А что его пьянство непростительно, ему самому было известно лучше всех.

Но Фабрициус приложил указательный палец к губам, заговорщически подмигнул, жестом запер рот на воображаемый замок и деловито обратился к своему руководителю:

– Ну что, шеф, пойдем? У нас еще куча работы.

Карл закрыл глаза, не зная, тошнит его от страха, от вида детских трупов или от осознания того факта, что его жизнь все больше выходит из-под контроля, если он не начнет контролировать свои пороки.

7

Четверг, 25 октября 1923 г.

Хульда торопливо шла по переулку Шендельгассе. Был ранний вечер, но фонари еще не зажгли, и ей приходилось шуриться, чтобы разобрать дорогу. Наконец она добралась до улицы Гренадеров, которая точно так же, как и в предыдущий ее визит, была заполнена людьми и лошадиными повозками. Двое фонарщиков уже принялись за работу, и вокруг желтый газовых огней образовались туманные клубы.

Хульда тяжело дышала. С тех пор как час назад ее хозяйка появилась на пороге и, укоризненно подмигнув, возвестила: «Фройляйн Хульда, вашу персону снова требуют к моему телефону», она неслась по городу, чтобы своевременно оказаться в квартире Ротманов: у Тamar начались схватки. Если бы у акушерки был велосипед, она могла бы домчаться на нем до станции, пристегнуть там у специальной стойки и ехать дальше на электричке – это получилось бы гораздо быстрее. Но летом прошлого года Хульда лишилась велосипеда при нападении на нее, а на новый заработать не удалось.

Конечно, Хульда знала, что у первородящих схватки часто могут затянуться на несколько часов, а иногда даже дней. Однако сдавленный голос молодой женщины, которая, по всей видимости, в одиночку доковыляла до телефона-автомата, мгновенно вызвал у нее тревогу. Тamar едва могла говорить, только прерывисто дышала, а это, Хульда знала по опыту, означало прогрессирующую родовую деятельность. Из-за забастовок общественного транспорта электрички ходили лишь изредка, к тому же до того переполненными, что нужно было проталкиваться локтями, чтобы попасть внутрь. К счастью, отсутствием напористости Хульда не страдала. Но она, тем не менее, опоздала.

Со своей тяжелой сумкой Хульда добежала до въездных ворот и зашагала дальше по темным дворам. Распугав по дороге крыс, Хульда, перешагивая ступеньки через одну, с грохотом поднялась по лестнице. Еще на втором этаже она услышала крики Тamar – и из последних сил забарабанила в дверь.

Ей открыл молодой человек с озабоченным лицом, обрамленным золотистой бородой.

– Вы акушерка? – зачем-то спросил он. – Я Цви Ротман. Быстрее, пожалуйста, быстрее!

Хульда вошла, торопливо сняла пальто и прошла в кухню мыть руки. Муж Тamar следовал за нею по пятам.

– Почему не вы, а ваша жена звонила по телефону? – обратилась к нему Хульда, натирая пальцы твердым куском мыла, вернее, его жалкими остатками. – В таком состоянии Тamar больше нельзя было выходить на улицу.

– Да знаю я, знаю, – сказал Цви Ротман, чуть не плача. – Я в это время находился у раввина Рубина. Сегодня утром все было хорошо. Меня слишком поздно оповестили. Когда я пришел, ее состояние было то же, что и сейчас.

– Вы, я вижу, с большой охотой посещаете молельню, – заметила Хульда.

Молодой Ротман не успел ответить – новый протяжный стон донесся из каморки, в которой располагалась постель Тamar и Цви. Хульда тут же бросилась туда.

– Горячую воду! – через плечо скомандовала она молодому человеку. – И полотенца.

Войдя в тесный чулан, Хульда в страхе отшатнулась. По всему полу углем были начерчены черные кресты. Хульда перешагнула через них и опустилась на колени перед постелью.

Тamar лежала, скорчившись на смятых одеялах, ее грудь бурно вздымалась и опускалась. Платье было задрано, а спина мокрая от пота. Круглые глаза страдающей женщины оживились, когда она узнала Хульду.

– Помогите мне, – прошептала она хриплым голосом. – Пожалуйста, я не хочу умирать.

– Вы не умираете, Тамар. Кто нарисовал все эти кресты? – спросила Хульда, опомнившись.

– Я, – шепнула Тамар, облизывая покусанные губы. – У моего народа существует поверье, что они охраняют роженицу от дьявола. Но если он в меня уже вселился, то ничего не поможет. Он доберется до печени, сердца, легких и напоследок заберет моего ребенка.

– Здесь нет никакого дьявола, поджидающего вашего ребенка, – решительно заверила Хульда, успокаивающе касаясь ладонями плеч женщины. – Я об этом позабочусь, обещаю. Пусть только попробует подойти! Вот увидите, скоро вы будете держать в объятиях здорового ребенка. А сейчас вам придется поработать.

– Как мне не хватает мамы, – всхлипнула Тамар. – Она бы знала, что делать. Она бы послала за человеком, перешедшим Евфрат, и тогда легкие роды мне были бы обеспечены. Она бы завернула младенца в волчью шкуру, это бы его защитило.

– Ваш народ не обходится без колдовства, – проговорила Хульда мягко, словно обращалась к ребенку. – Ваш бог обязательно поможет такой мужественной женщине, как вы, и без волчьей шкуры.

Юная роженица задышала быстрее: наступили очередные схватки, и она закричала, надрывно, протяжно. Хульда обеспокоенно наблюдала за ней. Потом встала на колени между ног Тамар и, засунув руку под юбку, нащупала головку плода; теперь акушерке было ясно, почему Тамар так страдает.

– Плодный пузырь еще цел.

– Это плохо?

– Нет, не совсем. Просто ребенок пытается выйти наружу, ваш организм выталкивает его изо всех сил, но до тех пор, пока ребенок остается в пузыре, он не может выйти. Поэтому у вас сильные боли.

– Помогите мне, – вновь прошептала Тамар, умоляюще хватая Хульду за руку.

– Конечно, помогу. Все будет хорошо.

Хульда поднялась. У нее появилась идея, как немного отвлечь роженицу.

– Вы недавно рассказывали, что у вас раньше было другое имя. Когда вы жили в Смирне. Что это за имя?

– Что?

– Какое у вас было имя?

С секунду Хульда слышала лишь тяжелое дыхание. Наконец женщина прошептала:

– Анаит.

– Такого красивого имени мне еще не доводилось слышать, – сказала Хульда, копошась в своей сумке. – Что оно означает?

– Богиня плодородия.

Хульда улыбнулась:

– О-о, это же то, что нужно, голубушка. Сейчас вам надо набраться мужества. Столько мужества, сколько у богини, в честь которой вас назвали.

– Почему? – в голосе Тамары слышался страх.

– Мне придется чуточку вмешаться и вскрыть пузырь, – объяснила Хульда. – Такое мы делаем нечасто, обычно ждем, пока ребенок сам проложит себе путь, но в вашем случае будет лучше, если мы немного поможем. Вы сразу потеряете много воды, давление, причиняющее вам боль, спадет, но сокращения усилятся, и весьма внезапно.

– Я не смогу!

– Нет, вы сможете! Подумайте о своей матери, как бы она вами гордилась. Готовы?

Снова наступили схватки, Хульда зафиксировала их по напрягшимся шейным мускулам и шумному дыханию, словно женщина готовилась прыгнуть в бурлящую реку. Прищурившись, Тамар кивнула.

Быстрым движением Хульда вскрыла плодный пузырь инструментом. Хлынувшие воды намочили кровать.

Куда запропастился этот муж с полотенцами?

Тамар кричала, кричала до потери дыхания. Хульда знала, что скоро все закончится. Теперь, когда околоплодные воды отошли, схватки наступят с такой частотой, что между ними почти не будет передышки. Она подбадривала Тамар, уверяя, что та справится.

И в самом деле, через несколько минут появилась головка, а со следующей схваткой тельце скользнуло в руки Хульды. Младенец открыл крошечный ротик, но вместо того, чтобы, как большинство новорожденных, выразить криком свое недовольство грубым переходом из теплого кокона в огромный холодный мир, он только тихонечко всхлипнул.

– У вас сын, Тамар, как вы и предвидели, – вскричала Хульда. Она быстро протерла мокрое тельце полотенцем и провела осмотр. Затем перерезала пуповину и, укутав мальчика в теплое одеяло, хотела передать его Тамар. Однако роженица молча покачала головой, отвернулась и закрыла глаза. Казалось, она не хотела даже взглянуть на своего сына.

Ошарашенная Хульда покачала малыша, а затем вложила ему в рот мизинец – и маленькие, безукоризненные формы губки, сомкнувшись, начали увлеченно посасывать.

Умиротворение распространилось по тесному помещению.

– Можно войти? – донесся от двери голос.

Цви стоял рядом со стопкой полотенец в беспомощно опущенных руках. Он словно боялся быть отвергнутым.

– Проходите, – пригласила Хульда. – Вот ваш сын.

– *Эйнгль*, – благоговейно вымолвил он, протягивая руки.

Внезапно, словно призрак, в камерке возникла Рут Ротман.

– Дай мне ребенка, – скомандовала она и, отобрав у Хульды младенца, недоуменно осмотрелась. – Чем ты тут занималась? – спросила она невестку. – Экзорцизмом? Зачем вся эта грязь и сажа на полу? Тебе придется одной все отдраивать, кланусь.

– Мама, перестань, – вмешался Цви и слегка подтолкнул ее к выходу. – Отправляйся с ребенком в комнату, я останусь здесь. – Он опустился на колени рядом с женой. – Тамар, – шепнул он, отодвигая прядь волос с ее мокрого лица. – Как ты себя чувствуешь?

Она медленно кивнула, чисто машинально, как показалось Хульде. Ее красивое лицо снова исказила боль.

– Отходит послед, – проговорила Хульда. – Цви, вам лучше подождать снаружи.

Она знала, что в еврейских семьях не принято смотреть на жену во время родов. Это считалось нечистым. Послед относился к родовому процессу и в среде акушеров, которые только после его отхождения поздравляли новоиспеченных родителей.

Цви робко прокрался в коридор, и Хульда убедила Тамар, что надо поднатужиться в последний раз. Крупный орган, который многие месяцы питал ребенка в материнском чреве и теперь отслужил свое, она поймала в полотенце, принесенное молодым человеком. Послед был зрелищем не для слабонервных, поэтому Хульда прикрыла его, а затем погладила Тамар по голове.

– Ни одного разрыва, – сказала она. – Мне не нужно ни зашивать, ни обрабатывать раны, ничего. Вы образцовая роженица, Тамар. Или, лучше сказать, Анаит?

Едва уловимая улыбка скользнула по лицу изнуренной женщины.

– Можно я посплю? – спросила она. – Я так устала.

– Прежде я вас немного обмою и помогу переодеться в сухое, – ответила Хульда, – а потом принесу вам ребенка. Матери и сыну в первые часы после родов важно познакомиться поближе и привыкнуть друг к другу, несмотря на то, что такой кроха в первый момент вызывает страх.

Тамар взглянула на нее, горестно смеясь.

– В крохе меня ничего не пугает, – сказала она. – Он такой маленький, такой невинный. Но я боюсь любви. Того, что она сделает со мной. Что она делает со всеми нами. А вы нет?

Хульда уставилась на нее. Что-то сдавило ей горло, словно она подавилась слишком большим куском. Но, тем не менее, Хульда медленно кивнула и подтвердила:

– Да, мы все этого боимся.

Она наскоро обмыла роженицу, наполнила ее трусы тряпичными прокладками, помогла снять промокшее платье и теперь искала в ящике за занавеской чистую ночную сорочку.

– Я сейчас вернусь, – предупредила она.

Она неслышно прошла через кухню в коридор. Из гостиной доносились голоса, видимо, Цви разговаривал со своей матерью. Насколько она знала, отца семейства Аври сейчас не было в Берлине: он искал работу в пригороде. Хульда уже хотела пойти на голос, как заметила за стеклом кухонной двери чью-то тень. Приоткрыв ее, она увидела у окна незнакомца в белой вышитой кипе на затылке. На руках он держал спящего новорожденного младенца и нежно его убаюкивал. Мужчина затянул печальную мелодию. Голос его был красивым, густым, насыщенным. Хульда не знала эту песню. Теперь мужчина запел слова, еле слышно долетавшие через узкую комнату. Слов было мало, они повторялись снова и снова, как казалось Хульде, напоподобие молитвы.

Она задержала дыхание, почему-то ей не хотелось, чтобы он замолчал.

Однако он заметил ее, потому что оборвал пение и обернулся. У него была короткая рыжеватая борода и темные глаза, теперь пристально изучающие Хульду.

Она поспешила прервать замешательство

– Добрый вечер, – сказала она, кашлянув. – Кто вы такой?

Мужчина шагнул к ней, младенец в его руках продолжал посапывать. Его крошечный вздернутый носик шевелился во сне, как у кролика.

– Я раввин, – представился мужчина, – Эзра Рубин.

– Хульда Гольд, – проговорила акушерка.

Раввин кивнул и посмотрел на Хульду. Глаза его смеялись.

– Драгоценный камень встретился с драгоценным металлом, – сказал он тихим голосом, который, тем не менее, без труда заполнил комнату. – Прекрасно, вы не находите? Словно смотришься в зеркало.

Хульда замялась. Что сейчас здесь делает раввин?

– Не рановато ли для обряда обрезания? – спросила она. – Я думала, у вас еще неделя в запасе.

– У вас? – переспросил раввин с ироничной задоринкой. – Почему не у нас? Разве вы не еврейка, фройляйн Гольд?

Она покачала головой:

– Ну... вообще-то да. Но я не считаю себя еврейкой.

Раввин Рубин негромко засмеялся – так шелестит на полу бархатный шлейф.

– Разве мы можем просто так выбирать, кто мы? Вы действительно верите в это, фройляйн? Я верю, что наши имена записаны в большую книгу судеб, и чем сильнее пытаешься не быть кем-то, тем сильнее становишься этим кем-то.

– Какие странные убеждения, – сказала Хульда. – Вы хотите знать, во что верю я? Я верю в действия, в решения, которые мы каждую секунду принимаем. А не в кандалы, которые наложены на нас от рождения.

Акушерка и раввин молча смотрели друг на друга. Хульде казалось, они меряют друг друга взглядами, словно ожидая следующего шахматного хода противника. «Но действительно ли мы противники?» – подумала она. Не найдя ответа на этот вопрос, она поинтересовалась:

– Что за песню вы только что пели?

– Небольшой псалом, – ответил Рубин. – Вы не говорите на идише?

Хульда помотала головой.

– Я этого и не ожидал. Это мертвый язык: мы, раввины, только в храме пробуждаем его к жизни, в словах Бога, в молитвах, в песнях. Евреи мира говорят на стольких языках, сколько существует стран. Стран, где их какое-то время не преследуют. Где их не изгоняют или убивают так долго, что они в состоянии перенять язык своего окружения.

– В Берлине никто не убивает евреев, – сказала Хульда. – В Германии их больше не преследуют.

– Я же говорю: лишь до тех пор, пока они не усвоят язык, – рассуждал Эзра Рубин. – Пока многие из нас, несмотря ни на что, продолжают думать, что переехали в благословенную страну. Однако нам не следует заблуждаться. Скоро наступит время для новой диаспоры. Вы не слышите, как машут крыльями в воздухе хищные птицы, не слышите, как точат сабли немцы?

Хульде сделалось смешно:

– Вы рассуждаете, как мой друг Берт. Умный человек, но ему везде мерещатся призраки. Он постоянно пророчит беду, говорит, что богачи скоро устроят диктатуру.

– Каждому умному мужчине, да и каждой женщине, следует не прогонять такие мысли, а понимать их как предупреждение, – не сдавался Эзра Рубин. – Прислушайтесь к своему другу. Вот ведь в чем дело, дорогая фройляйн Гольд, – он приблизил свое лицо к лицу Хульды, – как только националисты придут к власти, никто вас больше не станет спрашивать, *хотите* ли вы быть еврейкой. В их глазах вы *будете* ею.

Снова наступила неловкая тишина. Младенец чмокал во сне, его нежные щечки розовели. Хульда смотрела на него, задумавшись.

– Что означают эти слова на иврите в песне? – нарушила она тишину.

Раввин уже отошел, но терпкий аромат шафрана и табака, исходящий от его белой рубашки, висел в воздухе.

– *«Ине ма тов у-ма наим шевет ахим гам яхад»*, – повторил Эзра короткий текст. И тут же перевел: – «Как хорошо и приятно сидеть вместе в кругу братьев». В тексте говорится об общине, понимаете? Там мы в надежных руках, среди своих, неизменно, день за днем.

– Красиво, – согласилась Хульда, растрогавшись.

– Да. – Эзра Рубин задумчиво посмотрел в темноту за окном. – Нам всем необходима сплоченность. Сплоченность и обязательства – это ключ к счастью. Ибо вне общины господствует одиночество, хаос, смерть.

К горлу Хульды подступил комок.

– Не каждому хочется жить в таком тесном общинном союзе, – тихо произнесла она. – Некоторых это ущемляет. А что делать с теми, кто стоит за дверью, просто так, потому что им не позволено быть частью этого? Почему их не выпускают?

– У каждой общины свои правила, – ответил он. – Без них ничего не работает. Здесь, на улице Гренадеров, я отвечаю в том числе за соблюдение наших законов.

В голосе раввина вдруг появились стальные нотки, приятная мягкость исчезла. Он перестал укачивать малыша, который теперь засунул в рот кулачок и принялся жадно его посасывать.

– Ребенок голодный, ему нужна мать, – сказала Хульда, протянув руки. – Разрешите.

Казалось, раввин заколебался, как будто не хотел отдавать младенца. Наконец он протянул ей сверток. При этом рука Эзры коснулась Хульдиной, заставив ее чуть отпрянуть.

Взяв ребенка на руки, акушерка быстро протянула мизинец к ищущему детскому роту, предотвращая плач. Не произнеся больше ни слова, она удалилась с ним из кухни и направилась в сторону чулана.

– Мир с вами, фройляйн Хульда, – уже в коридоре услышала она у себя за спиной голос раввина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.